

РИНА ОРЕ

МЕРИДЕЯ ХРОНИКИ КОНЦА СВЕТА

ПИБЕЛЬ ЛЮДЭТСКОГО ДЪЯВОЛА

III

ТОМ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Рина Оре

**Гибель Лодэтского
Дьявола. Третий том**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

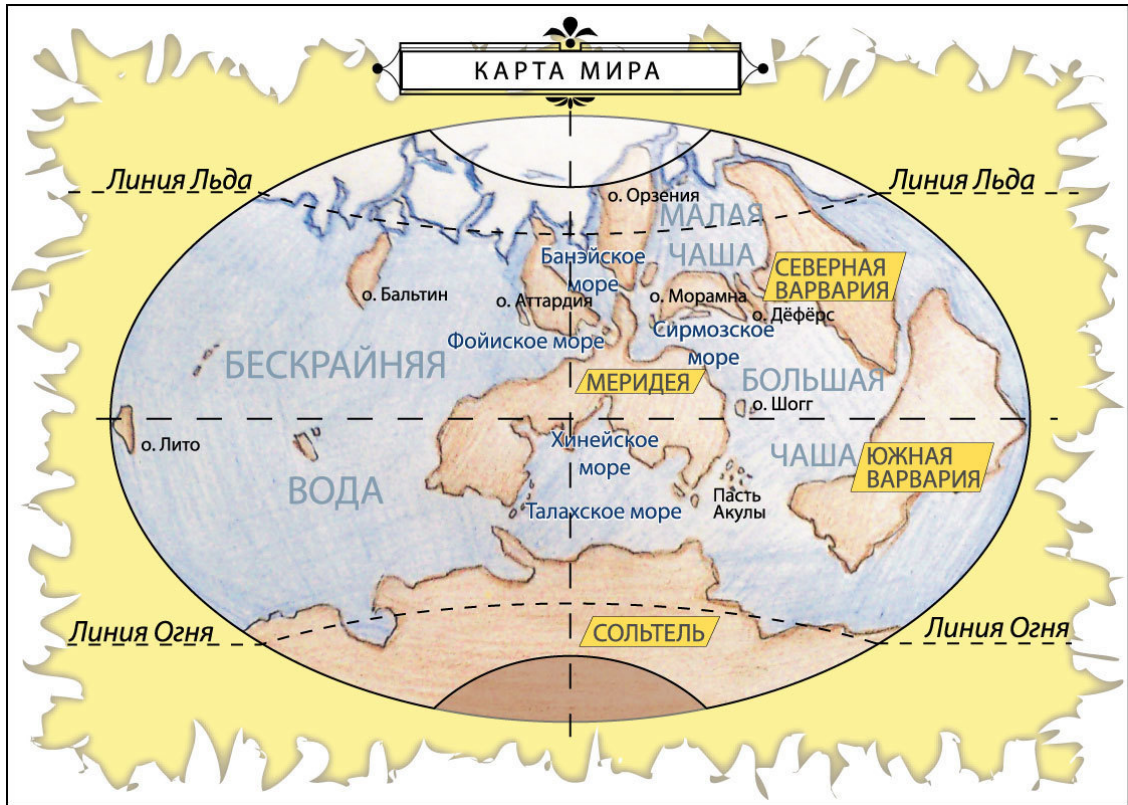
Рина Оре

Гибель Лодэтского Дьявола. Третий том / Рина Оре — «ЛитРес: Самиздат», 2019

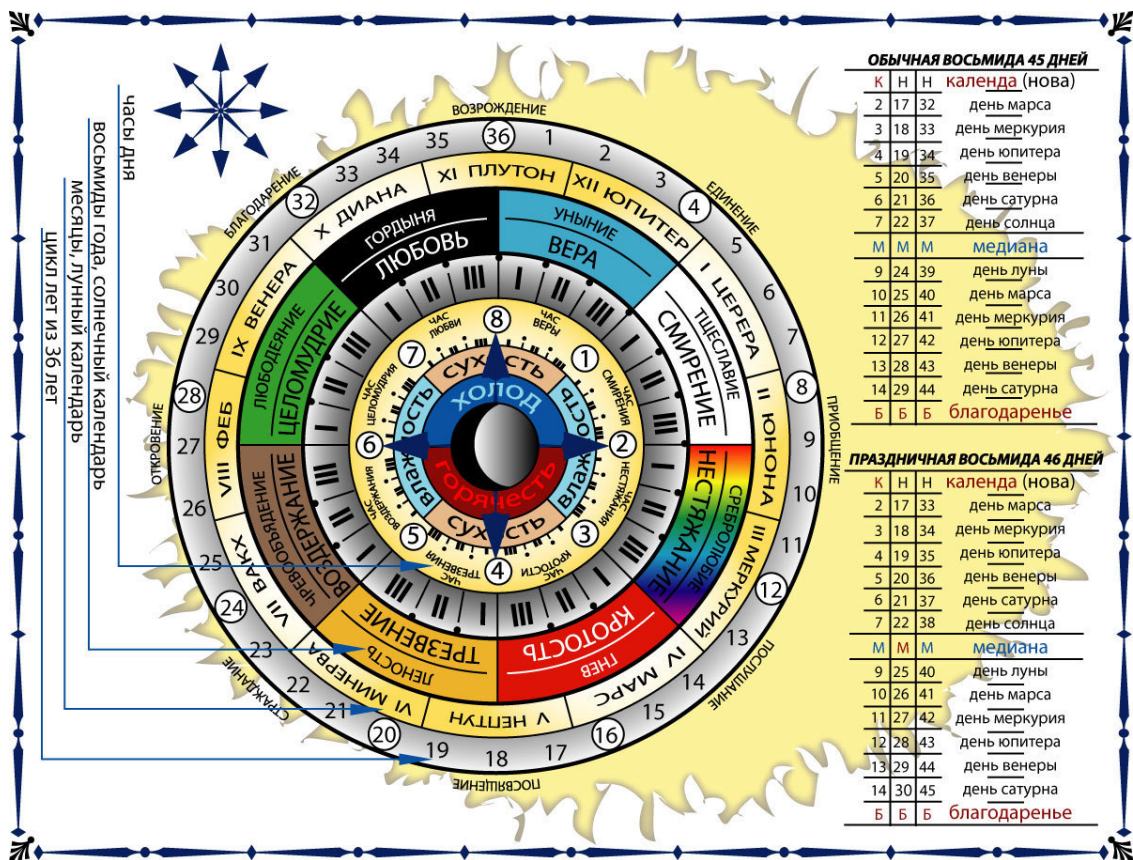
Идеей для историй о Меридее послужила средневековая легенда «Роберт Дьявол», легенда о рыцаре, который прославился своими пороками, а затем встал на путь добрых дел. Всё начинается в огромном по меркам Средневековья городе, среди небогатых лавочников и успешных дельцов, аристократов и бродяг, рыцарей и воинов простого звания, астрологов и алхимиков, праведников и демонов... И в этот город пришла война, переплетя судьбы главных героев и подвигнув их на немыслимые для них самих ранее поступки. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Времясчисление Меридеи	6
Праздники Меридеи	9
Глава XXIV	11
Глава XXV	31
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Времяисчисление Меридеи

Цикл лет – 36 лет (период между столкновениями светил)

Год – 365 дней или 8 восьмид по числу Добродетелей и Пороков

Високосный год – 366 дней (раз в четыре года)

Восьмида года – 45 или 46 дней

1 – Вера (Уныние) – 46 дней

2 – Смирение (Тщеславие) – 45 дней

3 – Нестяжание (Сребролюбие) – 46 дней

4 – Кротость (Гнев) – 46 дней

5 – Трезвение (Леность) – 45 дней (в високосном году – 46 дней)

6 – Воздержание (Чревообъядение) – 45 дней

7 – Целомудрие (Любодеяние) – 46 дней

8 – Любовь (Гордыня) – 46 дней

Триада (треть восьмиды) – 15 дней в обычную триаду, 16 дней, когда празднуются Юпитералий, Меркуриалий, Марсалий, Великие Мистерии, Венераалий или Сатурналий.

Календа – 1-ый день восьмиды или 1-ый день 1-ой триады

Нова – 1-ый день 2-ой и 3-ей триады

Медиана – середина триады

Благодаренье – конец триады (день посещения храма)

Дни в триаде: 1 – календа или нова, 2 – день марса, 3 – день меркурия, 4 – день юпитера, 5 – день венеры, 6 – день сатурна, 7 – день солнца, 8 – медиана, 9 – день луны, 10 – день марса, 11 – день меркурия, 12 – день юпитера, 13 – день венеры, 14 – день сатурна, 15 – благодаренье

День – 16 часов (8 часов от полуночи до полудня и 8 часов от полудня до полуночи)

Час – 72 минуты

Часы дня:

- 1 – час Веры
- 2 – час Смирения
- 3 – час Нестяжания
- 4 – час Кротости
- 5 – час Трезвения
- 6 – час Воздержания
- 7 – час Целомудрия
- 8 – час Любви

Триада часа (треть часа) – 24 минуты

Век – 128 лет

Век человека – 72 года

Возраст Единения – 4,5 года

Возраст Приобщения – 9 лет

Возраст Послушания – 13,5 лет

Возраст Посвящения – 18 лет

Возраст Страдания – 22, 5 года

Возраст Откровения – 27 лет

Возраст Благодарения – 31, 5 год

Возраст Возрождения – 36 лет

Второй возраст Благодарения – 40,5 лет

Второй возраст Откровения – 45 лет

Второй возраст Страдания – 49,5 лет

Второй возраст Посвящения – 54 года

Второй возраст Послушания – 58, 5 лет

Второй возраст Приобщения – 63 года

Второй возраст Единения – 67,5 лет

Второй возраст Возрождения – 72 года

Месяцы:

- 1 – Церера
- 2 – Юнона
- 3 – Меркурий
- 4 – Марс
- 5 – Нептун
- 6 – Минерва
- 7 – Вакх
- 8 – Феб
- 9 – Венера
- 10 – Диана
- 11 – Плутон
- 12 – Юпитер

Начало месяца – появление луны.

Праздники Меридеи

Возрождение – начало года, начало восьмиды Веры, середина зимы

Юпитералий (празднество мертвых) – 23-24-ый день Веры

Перерождение Воздуха – начало весны, начало восьмиды Смирения

Весенние Мистерии – середина весны, начало восьмиды Нестяжания

Меркуриалий (празднество искусств и ловкости) – 23-34-ый день Нестяжания

Перерождение Воды – начало лета, начало восьмиды Кротости

Марсалий (празднество воинского мастерства) – 23-24-ый день Кротости

Летние Мистерии – середина лета, начало восьмиды Трезвения

Великие Мистерии – 23-34-ый день Трезвения в високосном году

Перерождение Земли – начало осени, начало восьмиды Воздержания

Осенние Мистерии – середина осени, начало восьмиды Целомудрия

Венераалий (празднество любви и счастья) – 23-24-ый день Целомудрия

Перерождение Огня – начало зимы, начало восьмиды Любви

Сатурналий (празднество веселья в память о Золотом веке) – 23-24-ый день Любви

Судный День и Темная Ночь – конец года, 46-ый день Любви

Главный Судный День и Темнейшая Ночь – 46-ый день Любви 36-го года или конец цикла из 36 лет (високосный год)

Великое Возрождение – 1-ый день Веры 1-го года или начало цикла лет.

Глава XXIV

Пленница получает свободу, но уходить уже не хочет

Согласно знанию, всё на свете было стихиями и их смесью, только Огонь и Вода сами по себе никогда не смешивались. Все четыре стихии, находясь в равновесии, приносили гармонию и миру, и человеку. Перерождение стихии наступало в момент ее ослабления и усиления противоположной стихии. Воздух перерождался во время сильной Земли, разгорающегося Огня и слабеющей Воды, – и наступала весна. Вода перерождалась в начале лета: во время сильного Огня, набирающего мощь Воздуха и иссыхающей Земли.

Плоть человека, кроме того что была Землей, постоянно находилась под влиянием других стихий, а времена года и лунная фаза при рождении вносили самый сильный вклад в свойства плоти, после ее половой принадлежности. Гумор определяли такие первичные свойства, как холод и горячность, и дополнительные – сухость и влажность. Холод забирал силы, горячность их добавляла, влажность разжигала, сухость сковывала. Холодному и сухому гумору соответствовали стихия Земли и черная желчь, холодному влажному – Вода и слизь, горячему и влажному – Воздух и кровь, горячему и сухому – Огонь и желчь. Перекос стихий приводил к хворям, к преждевременной смерти и даже к меланхолии – страшной болезни, ввергающей разум в Уныние: значит, обрекающей душу на гибель в адовом Пекле.

Над людьми с сухим и холодным гумором сильнее прочих довлела угроза меланхолии, особенно в начале весны, когда сила Земли была особенно сильна и разрушала избытком черной желчи тех, у кого ее и так было вдоволь. Чтобы избавиться от слабости, следовало кушать горячую и влажную пищу, дышать благовонными смолами и принимать соответствующие снадобья. На разум благостно влияло общение с людьми кровяного гумора, а любовь помогла бы еще сильнее: астрологи считали, что Землю и Воздух, меланхоличный и сангвинический гуморы, могла объединить только Вода, то есть любовь и удовольствия. Пока в союзе Земли и Воздуха была Вода, влюбленная пара являла удивительное согласие, но с утратой чувств из-за перерождения Огня (неизбежного перерождения страсти), вместе ужиться уже не могла.

Астрологи не предсказывали будущее и, хотя довольно точно определяли время рождения и пол ребенка, гарантий не давали, ибо жизнью и смертью распоряжался Бог. Священники утверждали, что предсказать судьбу по звездам невозможно вообще, что при рождении каждый получает свой крест склонностей, гумор, лунный месяц, счастливые металлы и цвета, – а уж дальше всё зависит как от самого человека, так и от Божьей воли. Тем не менее богатые семьи всё чаще заказывали у астрологов гороскопы – и получали странные таблицы с числами из двенадцати колонок на семьдесят два года. Впоследствии эти таблицы могли указать благоприятные дни для самых важных начинаний – странствий, войн, турниров, торговых сделок, операций, венчаний и родов... Правда, трактовали разные астрологи гороскопы по-разному. Но все они соглашались в одном: категорически не советовали Земле и Воздуху венчаться – рано или поздно такую пару ждали ссоры, неприязнь и вражда.

Весь день солнца, словно сокровище, достался Лодэтскому Дьяволу и «девчонке в красном чепчике». Оставаясь в постели за завесой балдахина, они в своем красном убежище, голые и счастливые, упивались любовью, беседовали, шутили... Ревнивая Айада находилась с Соолмой, так что за сутки только повар дважды нарушил уединение покрытого шрамами мужчины и красавицы с нежной, лилейной кожей. Порой они просто молчали – и тогда зеленые глаза смотрели в светло-карие: Рагнеру казалось, что он плывет в соленом и теплом море, а Маргарита представляла себя тонущей в сладкой карамели. И они совершенно не беспокоились о том, что где-то за красной завесой простирается мир, где они были связаны долгом перед своими

семьями, преступны в глазах Экклесии и закона, слишком неравны, по мнению общества, – не задумывались о том, что всё это разделит их в будущем. В этот день солнца будущее исчезло.

После полудня Маргарита решила расчесать волосы Рагнера. Она сидела в изголовье кровати, прислонившись к подушкам, а он, ощущая спиной ее тепло, полулежал между ее ног. Пока его расчесывали, Рагнер трогал ее груди, играл с ними, вертел головой в попытках их поцеловать или пытался захватить сосок ртом, из-за чего Маргарита тяжело вздыхала.

– Ты хуже ребенка, – произнесла она, вытягивая гребнем темно-русые пряди. – Триаду часа посидеть спокойно не можешь... А у тебя уже волосы седые. Особенно вот здесь... ближе ко лбу.

– Всё, разлюбила меня, старика? – засмеялся он, оставил в покое ее грудь и принялся наглаживать девичьи бедра.

– Не дождешься, – ответила Маргарита и поцеловала его в тоненькую седую прядку. – Я люблю стариков.

Рагнер мурчал от удовольствия. Он выглядел совсем другим человеком – от его мрачности и хмурости не осталось даже следа. В светло-карих глазах, как и за окном, расцветала весна.

– Что за тряпка висит? – спросил он, показывая на платок над ликом Блаженного. – Она мне глаза мозолит. Но с такого трона я ни за что не встану! – прижал он обеими руками к себе ее бедра и откинул голову для поцелуя. Маргарита провела пальчиками по тонкой коже за его ушами, отчего Рагнер сладко зажмурился, а потом поцеловала его в губы.

– Оставь тряпку, – ответила она, снова пытаясь распутать его пряди. – Это я повесила.

– И это зачем?

– Мне эта морда не нравится. Она за нами подглядывает.

Он запрокинул голову, удивленно глядя на девушку.

– Она... похожа на бродягу, который перед казнью оставил предсказания о тебе, – начала краснеть под его взглядом Маргарита; ее и так румяные от бесконечной любви щеки запылали ярким багрянцем. – И обо мне... Не знаю, как сказать, и не хочу о них говорить.

– Я от тебя не отстану, – внимательно смотрел Рагнер. – Тут явно что-то важное скрывается. Ни о каких пророчествах бродяг мне неизвестно, но я хотел бы знать. Особенно если они про меня и про тебя, – и он опять полез целоваться.

– Слушай тогда...

Она опустила голову Рагнера, чтобы он не видел ее лица, и захватила гребнем новую прядь его волос.

– Около года назад я смотрела на казни у ратуши... Мы с подругой забрались в нишу со статуей льва. Я была в красном чепчике, и бродяга всей толпе на меня указал.

Рагнер встрепенулся, приподнялся и обернулся к ней с округлившимися глазами.

– Это ты?!

– Ты же сказал, что ничего не знаешь! – возмутилась Маргарита. – Ложись давай на место... А то я сейчас красная, как земляника, стану.

Рагнер медленно и с загадочной улыбкой лег между ее ног.

– Мне рассказали это, когда про палачей в твоём доме докладывали, – вздохнул он. – Стишки эти... Полностью... Не знал, что они от бродяги.

– Только не повторяй их! – вскрикнула девушка. – А я то плакать буду, – уже нежно произнесла она свою угрозу.

– Нет, я не собирался, – задумался он. – Как можно? Там такие слова...

За это Маргарита снова поцеловала его в седую прядь.

– Бедняжка, – поглядывая вверх, сказал он. – Так ты всё это слушала?

– И никуда с проклятого льва слезть не могла! Все смеялись. Вся площадь. А когда я прыгнула со льва к брату, он меня не поймал. Я сильно подвернула лодыжку, и у меня юбка задралась: все ноги были на виду. И это еще не всё... Чепец я сняла, а Нинно, тот здоровяк,

которого ты чуть не убил, он меня на руках нес до дома, и все думали, что я его пьяная, загулявшая жена. Ужасный был день, – вздохнула она и снова опустила голову Рагнера, лицом от себя. – Зато ныне не жалею... Когда ты меня стал целовать на кладбище, я и тебя боялась, и того что ты брата Амадея откажешься спасти, и... застыла от ужаса, что эти грязные стишки исполняются. Меня будто силы покинули – так страшно было. А потом решила, что надо вытерпеть... и дальше жить, если получится, а то я уже восемь дней дрожала всякий раз, когда тебя видела.

– Ясно теперь, – услышала Маргарита его серьезный голос. – Точно уже не жалеешь?

Вместо ответа, она обняла голову Рагнера и покрывала ее мелкими поцелуями, а после возобновила попытку расчесать его волосы.

– Значит, остался твой муж и герцог Альдриан, – задумчиво сказал Рагнер после небольшого молчания. – Всё же я Альдриана пригну! – повеселел он и посмотрел на нее хитрыми, цвета карамели глазами.

– Пригни, пожалуйста, – сердито попросила Маргарита. – И нижее всех. Он заслужил.

– А с Альдрианом у тебя что было? – удивленно спросил Рагнер, приподнимаясь и поворачиваясь к ней.

– Не хочу говорить и об этом, – отказалась она. – И не настаивай.

– Грители? – сел напротив нее Рагнер. Маргарита прижала согнутые колени к груди, обвила их руками, будто хотела спрятаться в саму себя, и опустила голову.

– Давай рассказывай, – потребовал Рагнер.

Маргарита хмурила брови. Тогда он обхватил ее лицо обеими руками и легко поцеловал.

– Рассказывай, – тихо сказал он. – А то я могу оставить Лиисем без правителя – с меня станется. Как минимум я ему двину.

Маргарита посмотрела на него с обожанием.

– Я тогда в тебя бесповоротно влюблюсь, – сказала она, убирая его руки от своего лица.

– Теперь я еще больше хочу его покарать, – широко улыбнулся Рагнер. – Я ведь в тебя уже влюбился. Сразу, как увидел тебя... голышом, – с озорством в глазах пояснил он и, обнимая Маргариту, уложил ее на спину, а сам лег рядом. – Я ее сразу узнал, – поглаживая девушку между ног, ласково прошептал Рагнер. – Твою теплую, праную норочку, в которой мне так хорошо. Назову ее, твою милую, красивую норку Маргариткой.

Маргарита широко распахнула глаза:

– Ты и там разглядывал, пока я была без сознания? И трогал?

Рагнер убрал руку и, с нежностью глядя на нее, сказал:

– Нет. Тебя Соолма раздела и осматривала. Ну а я... Я тоже немного на тебя посмотрел, – продолжал улыбаться он. – Хотелось бы дольше, но и Соолму не хотелось обижать. Я же должен был понять: придет за тобой муж или нет, красивая ты или... А то лицо твоё так раздуло – не мог представить, какая ты... Лишь один прекрасный зеленый глаз остался. Наверно, я влюбляться начал, как только этот злой глаз впервые увидел, – нежно поцеловал Рагнер Маргариту в левое веко. – А окончательно голову потерял, когда ты уже здесь лежала. Я смотрел на тебя – и оторваться не мог. Потом вещи раскладывал, а сам всё на эту кровать глазами дергал. Ты же спала, спала и спала – и так до самого утра... Красивая моя соня, – добавил он, проводя рукой от ее груди до впадинки пупка. – И даже тогда ты была прекрасна. Как ангел с оторванными крыльями, рухнувший с Небес и ударившийся о нашу грешную землю.

– А я тебя так боялась. Ты страшный был. А почему вы меня не одели. Хоть в сорочку?

– Нагими люди меньше лгут, – дернул бровями Рагнер. – Одежды сами по себе обман и дают силы лукавить. Правда, после тебя я больше с красавицами так делать не буду, а то сам силы потерял... Ты просто не знаешь, какой я страшный бываю с другими на допросах. Ты мне: «Не знаю, не знаю, госпожа Совиннак мое имя»... Снова: «Не знаю». И плачешь... И упорно лжешь мне, хотя почти нагая... А я сижу и принимаю всё это... – нежно улыбнулся он. – Сам

поражался... Я ведь сначала подвох искал. Ну как так может повезти, что, вместо призрачной вероятности найти в том доме план подземного хода, мне привозят красавицу-жену бывшего градоначальника? Потом Аразак о тебе таких гадостей наговорил, что ты прям исчадием Ада выходила: расчетливая и способная на любую подлость. Соолме ты не понравилась... Потом с поваром тебя застал... Любовь у них, – сверкнув зубами, шире улыбнулся Рагнер, когда щеки Маргариты опять начали краснеть. – Словом: ты никому не нравишься и слава у тебя страшная, – ты моя женщина! И я не верю, что мне так повезло... – поцеловал он девушку, после чего шлепнул ее ладонью по бедру. – Так ты мне признаешься про Альдриана? Или мне его тоже придется раздевать да голым допрашивать? Я лучше на тебя смотреть буду, чем на него.

– Я с супругом в восьмиде Веры была в замке, на торжестве в честь его возраста Возрождения, – вздохнула Маргарита. – Он меня на первый танец пригласил...

– Конечно, ты же самая неотразимая... – стал перебирать ее волосы Рагнер.

– Да, я была неотразимо хуже всех! – засмеялась она. – Ортлиб так хотел. Я должна была побыть дурнушкой один вечер... Вот я и оделась... как черепаха. Правда, должно быть, вышло похоже, – снова засмеялась она. – Платье жесткое, стояло колом и всё в больших ромбах. В нем даже двигаться было тяжело или кланяться. А вокруг все были такие... Платья у них такие роскошные и очень открытые... Ну а я единственная в закрытом до подбородка наряде – вот герцог Альдриан и обратил на меня внимание. Сначала я рада была, когда он меня на танец пригласил, но потом... Сразу после этого танца, меня за стол герцога усадили, рядом с его тронном, – вспоминая тот вечер, загрустила девушка. – А Ортлиб сидел в другом месте, за другим столом, вдали залы. И он не уходил, хотя от него этого ждали, и меня не отпускали, пока Альдриан танцевал целый час. Потом супруга отправили готовить бумаги, я же осталась одна в замке. И все мне за тем столом говорили, что это честь. И вино надо было пить, потому что пили за герцога, – опять вздохнула она. – Потом я сказала, что плохо себя чувствую, и мне позволили уйти, только отвели коридорами не к выходу, а в спальню – и закрыли там. А потом он пришел, и я его случайно по щеке ударила.

– Чего? – не поверил Рагнер. – Ты своего герцога по роже нахлестала? Альдриана?

– Да, – невесело усмехнулась Маргарита. – А он разозлился и выбросил меня из спальни на пол коридора. Потом я бегала по замку и искала выход. Потом он лишил супруга должности и разорил его. Когда-то из-за меня дяде пришлось взыскание платить в десять золотых монет, и я едва семью не пустила по миру, а семь лет спустя уже тысячу альдрианов муж платил... Так вот, – с грустными глазами улыбнулась она, – у других из-за меня бедствий намного больше, чем у тебя.

– А твой супруг, что сказал или сделал?

– Сказал, что неважно, ведь ты шел на Элладанн... И был очень рад тому, что я не изменила ему.

Рагнер нахмурился и о чем-то задумался.

– Ты-то отчего расстроился? – спросила его Маргарита.

– Да обо всем подряд размышляю. Скажи ты мне раньше, что своему герцогу по щекам надавала, мне, пожалуй, смелости не хватило бы подойти к тебе... О предсказаниях этих тоже думаю. О моей девочке в красном чепчике, – поцеловал он ее губы, – которую обидел злой Альдриан. Ничего, я с ним за тебя, моя прекрасная дама, разберусь, – поцеловал он ее уже в лоб. – Побегает у меня по Лиисему, как ты по замку, или унижу его как-нибудь. Сильно он к тебе лез?

– Поцеловал немного... Но минуты не прошло, даже четверти минуты. То платье таким большим было, что он меня в нем не смог поймать, и я вывернулась... и, не думая, ударила. Честно говоря, не жалею...

Рагнер поцеловал ее правую руку, потом и левую.

– Но я за другое на него обижена... Ортлиб винил во всем канцлера Помононта и не держал зла на герцога Лиисемского, а вот я... Всем в той парадной зале из-за моего уродливого платья было ясно, что супруг желал уберечь меня, что ревновал. Все видели, что герцог Альдриан унижал его ради забавы, оказывая мне знаки внимания: смеялся над ним и надо мной. И даже это ему показалось недостаточной потехой, и меня завели в ту спальню! Так гадко! Не знаю, понимал ли Альдриан, каково мне было... может, и не понимал, и это еще обиднее, словно я... не знаю... кровать. Разве можно обидеть кровать? А я так плакала, когда домой вернулась. Мне казалось, что на меня ни за что вылили нечистоты. Это было так же, как когда тот бродяга взял и указал всей толпе на меня: просто взял и надо мной поиздевался... Я раньше думала, что нищий выбрал меня наугад из-за яркого чепца. Сейчас не знаю, что думать... А ты, что скажешь? Возможно ли, что кто-то может так точно предсказывать?

– Я тоже не знаю. А вот мой Дьявол точно сказал бы, что да. Он верил в предсказания: знал место, время и кого ему искать. Приходится верить, что наши жизни написаны заранее... А значит, и Бог всё же есть...

– Ты... уверен, что на самом деле был за Линией Огня? Что не ошибаешься?
Рагнер помотал головой.

– Подо мной была карта, надо мной – небо. Таких созвездий я более нигде в нашем мире не видал... Поверь, я был бы счастливее, живя как все. Я и стараюсь так жить: как будто бы не был там и не встречался со своим Дьяволом.

– Расскажи еще о нем, – попросила Маргарита. – Я хочу лучше тебя узнать. Почему он спас именно тебя?

– Не знаю... – вздохнул Рагнер.

Он немного помолчал, раздумывая продолжать ли этот неприятный разговор, но потом, будто слишком долго молчал, начал делиться с Маргаритой воспоминаниями.

– Я знаю немного: лишь то, что мой Дьявол исполнял завет предков, чему сам был не рад, – хмуро произнес Рагнер. – Когда я его впервые увидел, то он ткнул в пряжку с короной, какую мне подарил принц Ламноры. Мне порой думается, что если бы принц Дионз не погиб, то Дьявол спас бы его, а я бы умер с колом в заднице. Еще я знаю, что раз явился сам король, то это было для него очень важно. Я, может, так рассказал, что ты подумала, что пересечь Линию Огня просто. На ней мы были ночью. Но днем, пока приближались, а затем отдалялись, я чуть не помер от жары и духоты, хотя был в тени, внутри повозки. Сквозь щели дул ветерок из-за того, что повозка летела, как птица по небу, но днем ветер стал походить на дыхание дракона. Меня тошнило, трясло, и я терял сознание. После этого я где-то на триаду занемог. Правда, когда меня везли назад через год, должно быть, я привык к адской жаре – и мне было легче, но всё равно разок-другой вывернуло. С моими спутниками было то же самое. Задержись мы на Линии Огня дольше или с ветром не повезло бы, или сломались бы наши повозки – и всё... Так что король Аомонии подвергал себя смертельной опасности, но... Я так и не понял до конца, чего он от меня хотел и почему отпустил тоже...

– Наверно, вы подружились...

– О, поверь мне, нет! – широко раскрыл глаза Рагнер и помотал головой. – Перед тем, как меня отпустить, он пришел... попрощаться, что ли... Сказал мне кое-что... Я уже немного выучил их язык и его понял. Он мне сказал, что надеется, что я сдохну в пустыне, что он меня ненавидит, что я его смертный враг из-за того, что творил на его земле... В пустыне, когда я шел к своим, я и правда едва не погиб. Старался беречь воду, но чертова пустыня всё не заканчивалась, в отличие от воды во фляге. После того как я остался без воды, прошел какое-то время и упал. И вдруг – на меня стервятник сел... Я, как безумный, нашел в себе непонятно откуда силы, сломал ему крылья и еще живому прокусил гадскую кожистую шею у самых перьев. Потом, напившись, пошел дальше, ведь если стервятник прилетел, значит, где-

то уже недалеко были леса, может и побережье... Я еще трех, кажется, стервятников убил, пока шел... Или больше... Повезло, что они там голодные и нетерпеливые.

Маргарита с жалостью смотрела на Рагнера, а он продолжал говорить, глядя сквозь нее и вспоминая то, что случилось четырнадцать лет назад.

– Когда я вернулся из пустыни, то пошли слухи, что меня спас Дьявол, вот потому-то я короля Аомонии так нарек. Я его ненавидел не меньше, чем он меня. Это он научил меня забыть про страх в схватке, но как! Мне о Аомонии и рассказать-то нечего – я, как собака, год просидел полуголым на цепи в весьма милом внутреннем дворике. Там было много зелени, и бил фонтанчик, вот только я изнывал от жары и не мог дотянуться до этой благодати. Так год и провел. Свой возраст Посвящения так встретил... А под ногами у меня, будто нарочно, была карта мира – изумительный, тонкий рисунок на камне. Эта карта стала моим единственным развлечением за целый год. Я, правда, всерьез думал, что лет пять там провел: очень удивился, когда узнал, что всего год... А развлечением моего Дьявола было приходить ко мне и швыряться в меня кинжалами. Убить он не хотел, иначе легко бы это сделал. Когда в тебя летит кинжал, есть только миг, чтобы это понять. Сперва я и этого мига не умел видеть. Потом научился уворачиваться, так его услужники гоняли меня палками, чтобы я кинжала не поднял, но однажды я перехватил кинжал налету и метнул его обратно – он попал Дьяволу в грудь, но тот не умер, а захохотал, харкая кровью. До сих пор этого не понимаю: он будто ничуть не чувствовал боли... И ушел с кинжалом в груди... Потом он долго меня не навещал: всё же я хорошо его подпортил и он лечился. После этого мне стали связывать руки, а мой Дьявол еще яростнее бросал в меня кинжалы. Когда я совсем перестал бояться ножей, то ко мне стали приходить с мечом. Ни капли меня не жалели, ты уж мне поверь. Ааа, – простонал Рагнер и скривил лицо. – Даже вспоминать и говорить не хочу. Хорошая часть моих шрамов – это оттуда, а не из битв на Меридее, как все думают. Что-то от ножей, что-то от меча. Меня немного подлечивали – и заново... Тогда я впервые жалел, что у меня всегда очень быстро затягиваются раны... Словом, меня травили, как будто я был зверь, а я и защищался как зверь. Только и думал, что однажды, перед смертью, наваяю Дьяволу от души и уже убью его наверняка – это было единственное мое желание. Но когда я получил свободу, то покинул Сольтель так быстро, как смог. Побоялся, что меня свои же снова выгонят в пустыню к Богу на суд, – улыбнулся он внимательно его слушавшей девушке. – На своем невероятном «Гиппокампусе», на который никто не позарился, и с теми, кто навоевался, я отправился домой. Но мы попали в бурю и заблудились, – прижал ладонь ко лбу Рагнер и зажмурился от стыда. – Великие лодэтские мореходы из Ларгоса! Нас немного оправдывает лишь то, что мы не знали тех мест и их карты не существовало. Нас прибывало к берегу, и мы были только рады, пока не поняли, что возвращаемся к той же лагуне, где Дионз. И снова было поздно! Вскоре нам встретился корабль сольтельцев, похожий на боевой – и он пошел к нам. Тут и пригодились крылья «Гиппокампуса» – с ними он уж очень отличался от кораблей с Меридеи. Если бы заподозрили, что мы меридейские воины, – то площадь и колья. Еще мы завесились тряпками, а еще нас спасли мои новые зубы – такое только в Аомонии делают и очень богатым людям. На нас посмотрели издали, оценили мою улыбку, – блеснул зубами Рагнер, – и не стали задерживать, однако я всё же решил плыть к Дионзу: хотел посмотреть на их оборону с моря и берега. Не мог я просто так отбыть и не отплатить за своих братьев, ведь их не просто казнили, а унизили... Будто бы сольтельцы не творили циклами лет насилие в Меридее... Своих спутников я снова смог уговорить совершить подвиг. С Эориком было сложнее, но я наврал ему по секрету, что украл в Дионзе плащ-невидимку и, благодаря плащу, сбежал оттуда. Ну, а этот плащ, понятно – невидимый для всех, кроме меня. С ним я могу разгуливать незаметным, только изредка это делать – ведь колдовским чарам надо восстановиться, как, к примеру, яду у змеи. Эорик с тех пор верит, что у меня есть плащ-невидимка, – засмеялся Рагнер. – Но, пожалуйста, не разоблачай мой обман, а то так смешно подшучивать над Эориком и Сиуртом!.. Причаливать к порту мы не

стали: я один доплыл до берега на лодке, потому что лишь я знал то, как себя вести. Станным это не казалось. Сольтельцы нападали на нас, так как им были нужны наши женщины: от них рождались красивые люди с более стойкой к солнцу кожей, а у безбожников из-за Линии Огня кожа всё еще очень белая, как мел, и мгновенно сгорает на солнце, оттого они завешиваются тряпками и вообще не любят бывать на солнце и покидать свои стеклянные башни. Я как раз был весь обожженный и красный после пустыни – вполне сошел за безбожника из Аомонии... Осматривая побережье, я забрел на портовый рынок, где моих друзей год назад казнили – в том же месте теперь продавали людей. В вонючем углу я увидел черную девочку лет восьми. Она отказывалась от пищи и была похожа на скелет; от лица – одни огромные несчастные глаза... Я ее пожалел – вспомнил, как сам сидел на цепи и был таким же жалким, но дешево мне ее не отдали, поскольку видели мои зубы и думали, что я богат: сказали, что принцесса из-за Линии Огня. Дьявол из моих вещей забрал лишь пряжку с короной, остальное вернул... Доспехи и оружия я, конечно, тоже назад не получил. Но одна ценность у меня осталась: кольцо с большим рубином. Матушка мне его подарила, – тяжело вздохнул он, – перед захватом нашего замка в Ларгосе. Больше я ее ни живой, ни мертвой не видел... А мне едва четыре тогда исполнилось... Она предпочла гибель надругательству, и ее имя стерли из Истории за самоубийство – нет ни могилы, ни портрета, ни строки нигде, будто бы я появился на свет без матери.

– Совсем не жалко было кольца? – удивилась Маргарита.

– Тогда уже нет. Всё доставалось брату, мне же надлежало самому заслужить или завоевать земли, поэтому мне переходили доспехи отца и его оружие, рыцарский конь и это дорогое кольцо. Его я должен был подарить своей избраннице, но моя невеста вернула мне кольцо и вышла замуж за другого – за того, с кем я никак не мог тягаться. И на кольцо мне после этого стало наплевать: больше я ни одной даме не собирался его предлагать, но выбросить в море тоже не мог. Я выменял Соолму на кольцо и, не зная, что с этой девчонкой делать, предложил плыть со мной в Лодэнию, поскольку за Линию Огня я никак не мог ее отвезти. Соолма согласилась. Ее настоящее имя: Соолма-Криду-Поэни-Дуа-Саржра, – рассмеялся Рагнер. – И это еще не полное имя – короткое. Всего-то из пяти имен ее женщин-предков. Вот так и появилась Соолма. Я этого раненого зверька привез в Ларгос, отдал на воспитание Вьёну и его будущей жене, а сам отправился на Бальтин. Соолма оказалась более благодарной ученицей, чем был я. Ее познания во врачевании и языки, какие она знает, – это всё благодаря моему другу и ее собственной любознательности. Ладно, хватит о Соолме, – легко поцеловал Рагнер Маргариту. – Просто хотел, чтобы ты поняла, какая у нас с ней связь. Соолма в первую очередь мне близкая и дорогая подруга. И она мне благодарна... Так что не бойся ее. Она ничего мне не сделает, а значит, и тебе.

Рагнер замолчал. Наваливаясь на девушку, он стал ее целовать и сильнее прижимать к себе.

– А у вас есть дети? – спросила Маргарита, пока еще могла говорить.

– Нет, – оторвался он от ее тела. – Из Соолмы сперва хотели сделать девку. Она не покорялась, и ее решили вновь продать, но до того с ней уже сделали что-то, чтобы детей никогда не было. Не знаю, что-то там повредили, хотя ее девство не тронули... Так уже делают в Сандел-Ангелии, в той части Сольтеля, что принадлежит Санделии, и это уже распространяется по Меридее. По крайней мере, на Утте сводники уже поступают так со своими девками. Научились как-то... Вроде бы это к лучшему при таком ремесле, но девушки часто умирают... А еще Соолма помнит, что ей было невыносимо больно... Всё дурное множится с каждым новым кораблем, что возвращается оттуда, – задумался он, но потом улыбнулся. – А Дионз мы взяли! И всё благодаря тому, что я осмотрел побережье и смог рассказать, как напасть с моря. Через года два несметное число кораблей атаковало город – вот так я отомстил за друзей... Слава об этом подвиге обошла меня стороной, и сейчас никто не помнит, что это я помог, но это ерунда... Всё! Довольно мне хвастать... – прижал Рагнер к себе Маргариту. – Хочу цело-

вать свою девчонку в красном чепчике! Тихо, – прошептал он, когда она хотела еще что-то сказать. – Ну помолчи хотя бы с полтриады часа...

– Я уже и так триаду часа молчу и тебя слушаю, – улыбнулась Маргарита. – Хорошо, молчу, – прошептала она и, не переставая улыбаться, закрыла глаза.

К ночи Маргарите удалось привести в порядок волосы Рагнера. Теперь они красивым, ровным потоком спускались к его плечам, слегка закручиваясь на кончиках. Правда, столь холеная шевелюра смотрелась непривычно и странновато, особенно в контрасте с израненным, мужественным телом.

– Лишь бы тебе нравилось, – смеялся Рагнер. – Мне наплевать. Сделаешь мне завтра хвост с косой, и пусть все завидуют: их никто так не чешет. Завтра к Ивару поеду. Надеюсь, король оценит, что я уважаю Культуру и стараюсь угодить его глазам.

Рагнер поднялся и стал одеваться.

– Ты куда? – удивилась Маргарита. – Уже колокол давно пробил отбой.

– Дело одно есть, – сверкая зубами, широко улыбался Рагнер. – Надеюсь, не рано, а то всё будет зря.

Он надел штаны и оставил рубашку навывпуск, и так его ухоженные волосы стали еще заметнее. Со спины Рагнер походил на одного из щеголей двора герцога Альдриана. Он посмотрел в зеркало, наградил Маргариту за ее труды теплой улыбкой и пробормотал:

– Пусть поржут... Всё равно я буду сильнее смеяться.

После чего Рагнер направился к входной двери и, резко открыв ее, выпрыгнул в коридор.

– Попались! – громко сказал он, приметив Лорко. – Так и знал, что дня не пройдет! Ольвор и Сиурт – еще пятнадцать ночей подряд. Всего двадцать с сегодняшней. В следующий раз увижу карты – дам еще тридцать, – довольным голосом сказал Рагнер, замечая, что на его волосы вытарацились все трое мужчин. – Я предупредил!

Усмехаясь, он медленно вернулся в свою спальню и стал раздеваться.

– Что это было? – спросила Маргарита.

– Дозорю тех, кто в дозоре. Еще пару раз выйду сегодня-завтра и потом про них не забуду. А то распустились от моей доброты. Лорко с картами к ним ходит, а дуют они так, что ничего не замечают. Вот, отучу на всю жизнь.

– А Лорко?

– А Лорко пусть теперь от Хельхи бегаёт, – засмеялся Рагнер, забираясь к Маргарите и закрывая балдахин. – Она ему не спустит и поголодать заставит. Ну еще изгоем побудет за то, что не огреб от меня. Пусть сидит с твоим монахом и слушает проповеди о меридианских Добродетелях. Благодать! – потянулся он, обнял Маргариту и перекатился вместе с ней на спину. – Я бы и завтра никуда не уезжал, – прошептал он, глядя в зеленые глаза. – Постараюсь раньше от Ивара отделаться – и к тебе. Еще проверю, как крепости восстановили и укрепили, а потом точно к тебе. Будешь скучать?

– Ооочень, – жалобно ответила она.

Рагнер внимательно глядел на нее, о чем-то размышляя.

– Что такое? – спросила девушка.

– Да вот, снова думаю о случайностях, благодаря которым я сейчас здесь, с тобой. Я мог бы с Иваром пойти еще несколько лет назад – ты бы девчонкой лет одиннадцати была. Тогда я сбежал и не думал, что вернусь домой, но брат умер... Потом решил, что уж лучше повоюю, чем стану пауком паучьей черепахи... Я часто поражался, отчего же мне такая бестолковая звезда досталась, а ныне, после предсказаний того бродяги, уверен, что всё было ради тебя. Вот и думаю теперь о прошлом и о будущем... Мне даже предложить тебе нечего. Я хотел бы, чтобы ты осталась и после Орензы тоже. Но ты замужем, – грустно улыбнулся он, – а я успел жениться.

Маргарита едва не призналась ему, что не вышла замуж за Ортлиба Совиннака, но вспомнила строгое предостережение брата Амадея и решила, что прежде еще раз расспросит праведника.

– Я же говорила: у меня нынче нет супруга, – сказала она. – Я не хочу быть с ним и боюсь его. Очень сильно боюсь. Он мне опротивел. Я его боготворила, но сейчас... ничего нет от той любви. Ту его сторону, какой я раньше не замечала, я не могу принять и не хочу. Поцелуй меня и хватит думать.

Рагнер так резко ее поцеловал, что она засмеялась.

Когда изнеженная лаской и любовью Маргарита засыпала на груди Рагнера, она думала, что уже ни о чем не жалеет и примиряется даже с тем, что произошло в доме на улице Каштанов. Лица Идера Монаро, Эцыля и Фолькера пропадали, бледнея, растворялись... Исчезал и Ортлиб Совиннак в черной бархатной токе, и его медвежья походка.

Ночью прошел дождь, а к утру медианы первой триады Нестяжания опять ярко засветило солнце. Оно заливало благодатным светом и Элладанн, и душу Рагнера. Он старался выглядеть серьезным, но мыслями то и дело возвращался в красную кровать к зеленоглазой девушке с волосами цвета теплого золота – и начинал улыбаться.

Деревья вдоль Западной дороги оделись в нежную листву, среди них парили розовыми облаками персиковые сады, и уже начала распускаться робким белым цветением сладкая вишня. По Элладанну плыл неповторимый сахарно-пряный запах весны, что окончательно изгнала с царствования холод. Горожанки украсили платья букетиками трогательных фиалок, незамужние девушки поверх чепцов носили пестрые веночки, но всех краше смотрелись уличные девки с синими гиацинтовыми колокольчиками в распущенных волосах – похожие на языческих жриц, они будто славили возрождение жизни, плодородие и любовь. Эти красавицы ходили в обнимку с ладикэйцами, обольстительно звонко с ними смеялись, а торговки сладостями предлагали парочкам купить лакомства.

Рагнер Раннор, направляясь в Западную крепость, готовился к непростому разговору с королем Ладикэ. Ивар Шепелявый изводился от нетерпения и требовал от своего союзника брать приступом замок. Рагнер же понимал, что если Альдриан Лиисемский убежит, то штурм двойных крепостных стен будет не только кровавым, еще и бесполезным. Кроме того, чтобы вышел хоть какой-то толк, метательные машины нужно было подвести слишком близко к холму, значит, недопустимо близко к врагу.

«С высоты холма огонь из их пушек легко достигнет нас, – думал Рагнер, – если же ядра попадут в бочонки, то взорвутся не замковые стены, а мои люди вместе с катапультами. Я потеряю оружие и открою противнику то, как его уничтожить: они престанут ужаться и сами нападут. Слишком много доводов против. Пустить одних бойцов без прикрытия громовых бочонков к двойным стенам – всё равно что добрую их часть сразу отправить на тот свет. Скольких я тогда потеряю из трех тысяч и семи сотен, что у меня осталось? Еще тысячу за раз или две? Нет, только не перед скорым наступлением на нас...»

На этот раз король не встретил Рагнера. Его провели в просторную комнату вверху донжона Западной крепости, обставленную как тронная зала: король Ладикэ всегда возил с собой балдахин и Малый трон. Рагнер увидел под пестрыми, синими в золотых дубовых листьях, драпировками важно восседающего Ивара Шепелявого, одетого в сплошные боевые доспехи и синий рыцарский нарамник с витиеватым рисунком родового герба: в круглом венке из дубовых листьев блистала корона, а под ней лежало белое перо Ангела. Рядом с родовым гербом рябили знаки других кланов Меридеи из предков короля – был там вышит и белый морской змей Ранноров, и красный петух Хамтвиров, и огненный кит Хвитсуров, и бурый медведь Винхаэрда, и крылатый лис Канэрганттов; даже были золотой олень королей Бронтаи, пурпурно-голубая мантия королей Санделии, белый единорог королей Агтардии да черная башня

Кагрсторов, бывших властителей Лодэнии. К бедру короля Ивара прислонился тяжелый парадный меч в драгоценных камнях, на широкой груди покоилась массивная золотая цепь с крупными рубинами, три перстня перехватывали толстые и короткие пальцы пожилого монарха. Лишь широкою, наполовину лысую голову обделили прикрасами, но и она, будто не желая отставать, ярко розовела пятнами солнечных ожогов с кончика короткого носа да под круглыми глазами короля.

«Если бы корону взял, то и ее непременно нацепил бы», – подумал Рагнер, почтительно склоняясь перед королем и присаживаясь на поставленный для него стул.

За возвращение Сиренгидии королевству Ладикэ Рагнер уже получал тунну серебра. Тунна золота в случае полной победы доставалась королю Лодэнии, родному дяде Рагнера. Да и не ради наживы сражался Лодэтский Дьявол – в средствах после получения наследных земель и женитьбы он перестал нуждаться. Желание убивать тоже им не двигало. Он воевал, потому что любил сражаться, любил проводить дни в походах со своим войском, любил трудные задачи и, главное: любил в итоге побеждать. Вот и король Ивар, хоть весь потемнел от злости, когда увидел черную фигуру дерзкого герцога, был вынужден сдерживать спесь, дабы бы не разругаться с союзником и не остаться без его таинственного громового оружия.

– Фто фкашефь мне, герфог Рагнер Раннор? – спросил на меридианском король Ивар. Немногим из того, что его искалеченный рот не коверкал, было полное имя Рагнера, и это порой выглядело странно: из кучи смятых слов вдруг хлестко выпадало это лодэтское имя.

– Нечего добавить, – хмурил брови Рагнер, напуская на себя мрачный вид. – Я всё тебе уже сказал: укрепляемся пока здесь – зальем их войско огнем. Если Альдриан и после не захочет сдаваться, то погоним его дальше. Миттеданн и Фольданн – единственные города с каменными стенами до южного побережья, но они небольшие, осады не выдержат – Альдриан в них не будет задерживаться, значит, и тратить силы на их штурм не стоит. Уверен, он спрячется либо в каком-нибудь замке на горе, либо в одном из портовых городов – будет дрожать, бояться измены и заклинять о чуде как король Элла. Альдриан сам всё это понимает. Кабы не твое унижительное условие с поцелуем руки, он уже пошел бы на мировую.

– Я ффоефо мнения не профил! Мои уфлофия ф фамого нафала были факими!

– Знаю, – недовольно ответил Рагнер. – Просто вдруг ты поумнел и передумал.

Король Ивар начал багроветь и покрываться потом, но он замолчал слова, которыми хотел назвать нахального и бесцеремонного герцога.

– Эфо дело феффи! – сжимая кулаки, гневно вскричал он. – И меффи!

Рагнер еле сдержался, чтобы не расхохотаться ему в лицо, но короля соседней державы злить не стоило, да и войну Ладикэ с Лодэнией герцог Раннор развязывать не собирался. Поэтому он тоже смолчал – рот с большими губами не дрогнул, лишь светло-карие глаза повеселели.

– Где фы был ффера? – раздраженным голосом поинтересовался Ивар Шепелявый. – Фы ффера должен был фтефь быфь!

Глаза Рагнера снова стали жесткими и колючими.

– Занят был. Я ничего тебе не должен. А вот ты мне – да! Ты отдал только половину от тунны серебра. Лучше мне ответь: ты еще долго будешь зажимать то, что я заслужил?

– Фофми фамок! – крикнул король Ладикэ.

Пряча улыбку, Рагнер резко встал и быстро устремился к окну: уж очень комичной выглядела злоба Ивара, облеченная в такие словесные выражения, и сдерживаться в столь хорошем настроении он не мог. Когда Рагнер поборол так и рвавшийся наружу смех, то с серьезным лицом развернулся сине-золотому балдахину и пожилому королю на троне.

– Я тебе уже сказал, – сложил на груди руки Рагнер, – не будет штурм замка моим громовым оружием. Сам можешь брать его приступом. Почему нет?

Ивар раздул ноздри и от ярости приподнял верхнюю губу.

– Мои фоины и фак больше ффех фффродали! Я поферял больфе полофины!

– Ладно, король, хватит нам пререкаться, – миролюбиво проговорил Рагнер. – Я не уступлю. На штурм замка я пока не пойду, говорю тебе еще раз и более повторять не буду. Я не могу сейчас лишиться людей. Скоро придут десятки тысяч врагов, а Альдриан всё равно сбежит. Кроме того, не забывай, что за стенами замка кусок земли Меридиана: один шальной бочонок там взорвется – и мне несдобровать, да и ты так просто не отделаешься – за тебя Экклесия тоже возьмется, не сомневайся... Я знаю, что тебе не терпится покончить со всем, как и мне. И замок глаза тебе мозолит – из этого окна его так хорошо видно! Вот из моего окна другой вид, поэтому я спокоен. Смени комнату, жди и будь готов к новой схватке, – вот тебе мой план! Наплюй на чертов замок: город и так наш. Замок – это просто символ. А Альдриана я тебе достану. У меня нынче личные причины появились. Так что... Никуда он не денется, а ты не позволяй себя одолеть в шаге от победы. Я клянусь тебе, что Альдриан поцелует тебе не только руку, но и ногу. Или умрет.

Король Ладикэ удивленно поднял на герцога серо-голубые, в оправе выпуклых век и мясистых морщин, глаза. Он отметил гладкие волосы Рагнера и его иначе перехваченный хвост. Не мог король не обратить внимания и на то, что Рагнер Раннор стал другим – благодушным, – даже самый его жесткий взгляд не пугал, стал притворством: Рагнер перестал смотреть так, словно думал лишь о том, что через мгновенье убьет, а пока решает, каким способом покончить с человеком перед собой.

– Лифные прифины? Ффо ф ффоими фолофами? – нахмурился король Ивар – догадка о том, что союзник перенес вчерашнюю встречу из-за женщины, приводила его в негодование. – Шена быфшего градоначальника? Та, крафифая?

Рагнер, который еще стоял у окна, всё же улыбнулся на последнем слове Ивара, но тут же собрал губы и прикусил их для надежности.

– Интерес к дамам другого рыцаря – крайне пагубен для здоровья, – несмотря на расправивший его смех, холодно ответил Рагнер. – Я, кажется, тебе уже напоминал об этом мудром изречении... Мне пора, – вздохнул он. – Если у тебя нет ничего нового, я пойду. Мне еще надо осмотреть то, как укрепили ворота. Начну с твоей крепости, буду здесь минимум час, так что... не прощаюсь, – замыслив себе развлечение, улыбнулся он. – Раз ты меня не встретил, то выйди, будь добр, проводить через час, как гостеприимный хозяин, а то другие крепости пострадали намного больше этой, и я спешу туда. Не обессудь, если просто уеду отсюда, – бегать туда-сюда мне некогда.

Рагнер поклонился королю и бодро пошел к двери, прекрасно понимая, что еще сильнее разъярил Ивара этими словами и даже унизил: всё-таки Рагнер, хотя принадлежал к первому воинскому рангу, сам должен был подняться и попрощаться с королем, господином над господами, а уехать без прощания и выражения почестей вовсе не имел права. Дабы не давать повода для опасных перетолков, Ивар Шепелявый спустился вниз перед отбытием Рагнера и сделал вид, что нисколько не обижен.

Покинув Западную крепость, отряд из тринадцати человек выехал на широкую Западную дорогу. По ее краям спешили по своим заботам горожане, вновь работали съестные лавки, кричали водоносы. Рагнер, замечая яркие бутоны на головных уборах женщин, недоумевал, где же они их взяли: цветочницы со своими душистыми корзинками так и не появились в Элладанне. Неожиданно Рагнер увидел девочку лет семи с изможденным лицом, в бедном платье и белом чепчике. Она держала в руках дивной красоты желтую розу, чаша которой едва начала распускаться. Увидав отряд Лодэтского Дьявола, девчонка спряталась в подворотню, но из любопытства далеко не убежала. Рагнер, который ехал ровно посередине своих охранителей, громко крикнул, и их лошади перешли на шаг, а он сам направил Магнро, большого, черного в рыжих подпалинах, коня, к девочке. Та бросилась вглубь узкого переулка. Магнро быстро догнал бы ее, но, едва заехав в подворотню, герцог Раннор его остановил.

– Стой! – крикнул Рагнер. – Я ничего тебе не сделаю. Иди сюда немедленно! – приказал герцог, и девчонка в ужасе обернулась. – Иди же: розу твою хочу купить, если продаешь, – громко сказал он.

Бледная от страха девочка, подумав с полминуты, подошла, но так несмело, будто была готова чуть что бежать прочь.

– Украла розу? – строго спросил ее Лодэтский Дьявол.

– Нет, Ваше Величество.

«Она и впрямь считает меня повелителем Ада», – усмехнулся про себя Рагнер.

– Дьяволу нельзя врать, как и Богу, – не меняя серьезного выражения лица, стал шутить Рагнер. – Неизвестно, к кому ты на суд после смерти попадешь. Так откуда роза?

– Мапочка выращивает... в парнице, – ответила девочка, готовая упасть в обморок и от страха, и от долгого недоедания.

Рагнер, подумав, что торговцы снедью задрали цены раз в десять, достал золотой рекс и бросил его девочке. Та схватила монету налету и, скорее всего, неосознанно. Рассматривать деньги она не стала.

– Иди к воротам ратуши, – сказал герцог. – Отдай розу стражам и скажи, чтобы отнесли ее в мой спальный покой, поняла?

Девчонка кивнула.

– Не бойся там никого. Они страшные, но ничего тебе не сделают. Если обманешь меня, – понизил голос Рагнер, – заберу душу в уплату. А так, – весело добавил он, – сходи в храм, пожертвуй медный четвертак и живи дальше, как жила!

Рагнер развернул коня и поскакал из подворотни к своим охранителям, которые ничего не поняли из произошедшего.

Это были не все чудачества Лодэтского Дьявола – возвращаясь в ратушу, он купил кулек грецких орехов в карамели.

Днем на Главной площади снова устроили одиночные бои, теперь на тупых мечях; выигравшие в них получали вечером лишнюю кружку пива. Впрочем, и без хмельного приза лихие вояки с удовольствием мерялись силой. Кружка пива для них была тем же, чем для Рагнера являлась тунна серебра: символом их доблести и превосходства, заслуженной победой, которую можно потрогать. Вкус такого пива оказывался намного вкуснее обычного.

Пока двое дрались, остальные «демоны» развлекались зрелищем и спорили на деньги. Аргус наблюдал за ними с эшафота, и Рагнер спешил туда же. Погладив морду коня, он передал поводья другому всаднику, а затем подошел к своему войсковому наместнику и скрепил с другом руки знаком двойного единства: мужчины согнули в локтях правые руки, сцепили пальцы и сверху положили крестом левые кисти рук.

– Новости есть? – спросил Рагнер.

– Желтая роза – главная новёсть, – загадочно улыбаясь, ответил Аргус. – Кромё твоих волос.

– Принесла всё же! – обрадовался герцог. – Ты смотри не на меня, а на наших демонов. Они развлекаются – ты изучаешь, на что твои воины годны.

Аргус повернул лицо к площади, но улыбаться не перестал.

– Да сделай же ты грозный лик, тряпка, – шутливым тоном процедил сквозь зубы Рагнер. – Я вот сегодня три раза чуть Ивару в лицо не расхохотался, а пришлось стоять с каменным забралом. Ну и к окну бежать со всех ног... Эфо дело феффи! – сжав кулаки, негромко вскрикнул Рагнер. – И меффи!

Рагнер лишь дернул губами, а Аргус сжал рот, но едва они взглянули друг другу в глаза, как громко расхохотались.

– Ваше Светлость, не надо нами ли потешатся? – донеслось до Рагнера из толпы бойцов.

– Кто там такой смелый? – утирая слезу, с улыбкой спросил Рагнер.

Бой из-за их смеха остановился. Из сидевших на земле рядами головорезов поднялся высокий, светловолосый парень лет двадцати, деревенской наружности: нос картошкой, соломенные брови, веснушки.

– Рёрнот! – воскликнул Рагнер. – С острова Фёо. Ты жив еще, надо же!

– Надо же ещё жить, – улыбнулся «белобрысый», польщенный тем, что герцог Раннор помнит его имя. – Пушой мой чёрт со своей чёртихой милуется подольшое, овось зоценит мою доброту...

– На это я бы не надеялся, – усмехнулся Рагнер: люди, которые перед ним не робели и могли ответить шуткой, всегда ему нравились.

Рагнер бросил взгляд на окна ратуши и увидел светлый девичий силуэт, настолько прелестный его глазам и милый сердцу, что он не смог отказать себе в желании покрасоваться. Хитро улыбаясь, он спрыгнул с эшафота и подошел к бойцам, что недавно дрались.

– Сёргёс и Рунтер, вы уж не держите зла, что прервал, – сказал он. – С меня вам вечером по кружке пива. Передохните и через четыре боя снова начинайте. Сёргёс, ты прям как медведь прешь: любого перепугаешь, – обратился Рагнер к мощному бородачу. – Всё отлично, но последи за левой ногой: порой ты ее выставляешь дальше меча. Рунтер, – посмотрел он на вымотанного боем, худощавого парня со светло-русыми волосами, – очень и очень неплохо: и удар верный, и защита. Ты ловкий, и будь у тебя настоящий меч, может, и нашего непобедимого Сёргёса бы подрезал... Но если хочешь большего добиться, то тебе нужен могучий удар. Вот он, – махнул Рагнер на статую Олфобора Железного, – мог проломить мечом башку, да до зубов, да башку в шлеме! – так записано в «Книге Гордости»... Впрочем, еще там написано, что победил его в поединке монах... Ладно, враки не враки, но ты, Рунтер, таскай больше тяжестей, коли дрова и ходи на руках. Пока же вся твоя сила зря тратится в защите. Отдохни и что-нибудь придумай... Давайте, туда демоны, отдышитесь, – кивнул он им на толпу головорезов. – А ты, Рернот, бери боевой меч, а не эти палки, и иди сюда ко мне, – позвал он словоохотливого блондина.

Подумав, белобрысый парень вышел, вынимая из ножен острый клинок. Он был без шлема, зато в кирасе, кольчуге с короткими рукавами, наручах, поножах да держал большой щит. Наверняка его под кольчугой имелась защитная стеганая безрукавка из небеленого льна и пеньковой ваты.

– Жарко тебе, должно быть, – сказал Рагнер, начиная расстегивать ворот кольчуги. – Я вот запарился: сил никаких нет.

Рагнер снял черную кольчугу из колец и пластин – остался в черной рубашке навыпуск и в черных узких штанах. Кольчугу он сбросил на эшафот, ремень с кошельком и кинжалом – туда же, только рыцарскую цепь с мечом передал Аргусу в руки.

– А ты как, Рернот, может, тоже что-то снимешь? – выходя место боя, спросил Рагнер.

– Не, я с Фёо... – ответил Рернот. – Осогреваюсь на югах хотя бо.

– Ладно, тогда нападай на меня. Это приказ.

Рернот огляделся – толпа головорезов тоже не знала, что произойдет.

– Рернот, давай, не трусь, – раздраженно говорил Рагнер. – Времени у меня нет, чтоб с тобой тут торчать. Не нападешь – сегодня же пошел вон из моего войска. И нападай честь честью, если жить хочешь, – сделал Рагнер свои глаза холодными и злыми.

– Дажо мёча не бёрёте, Ваше Светлость? – удивленно спросил Рернот.

– Возьму, когда своим махать научишься. А так... Убью тебя еще, а ты мне почти земляк.

Рернот подумал и отложил щит. Держа перед собой двумя руками меч, он стал медленно подходить к Рагнеру. Зрители меж тем обсыпали окна соседних домов в три ряда, кто-то даже выбрался на карниз.

– Рернот! – прикрикнул Рагнер, безмятежно замерев с руками на поясе, словно это не к нему приближался здоровяк в броне и с остро заточенным мечом. – Болтать лишь умеешь и лезть в разговоры старших! Ранишь хоть раз или рубашку порежешь – с меня бочка пива в тридцать шесть ведер – угощай всех! Убьешь – давай, смельчак, сватайся к моей вдове!

Толпа рассмеялась: Рернот на жениха для герцогини не тянул. Разозленный тем, что над ним хохочут, парень кинулся на Рагнера, намереваясь перерубить того в поясе. Герцог с кошачьей ловкостью отпрыгнул назад, отчего удар Рернота пропал, затем будто рухнул, ударив противника по ногам, и опрокинул того на брусчатку. Без тяжелой защиты Рагнер мигом вскочил. Пока Рернот, опираясь на свободную руку, поднимался, он выбил ногой его меч, мастерски поймал оружие противника и замахнулся сам – сделал вид, что еще немного и опустит клинок на голову Рернота – «белобрый» в испуге плюхнулся назад на камни. Бой длился меньше минуты, и по его завершении на всю площадь раздалась овация, перемешанная с оглушительным свистом: лодэтчане истово восхищались и гордились своим вождем – те, кто сидели, все встали. Рагнер протянул руку Рерноту, помог тому подняться и отдал меч.

– Не кисни, – тихо, чтобы никто их не слышал, сказал Рагнер. – Был бы ты легче обряжен, может, и вышло бы толку больше. А так: тяжелый, потный, пить хочешь – целый день на жаре – под нагрудником уже пожар вот-вот случится... Тело зря нагружаешь и утомляешь без нужды. Рернот, я понимаю, что в этом железе ты себя тверже чувствуешь, но учись быть голым да не слабым перед мечом и человеком, который его держит. Мужик ты и правда смелый, так чего боишься? На другой бойними кирасу и защиту с ног. Готовься и кольчугу скоро снять. Убить тебя здесь никто не собирается, не то что в бою. Ну что такой смурый? – усмехнулся Рагнер, видя, что парень, который считал себя великим воителем, поник головой. – Подумаешь, проиграл... Я тут любого уделаю, а то, что на землю сел... Бывает... Никому неохота умирать, да еще в такой прекрасный весенний день, – главное: подняться и снова попробовать навалить... И я не раз проигрывал... Дай-ка мне свою пятерню, – протянул Рагнер согнутую в локте правую руку.

Рернот сразу заулыбался от такой чести – побрататься с самим Лодэтским Дьяволом и, довольный, соединил свою руку с его рукой «в замок».

– Теперь сделай так, чтоб я не пожалел, – так же тихо, но зло сказал Рагнер, разжимая пальцы – Если опозоришь наше братство, я тебе эту руку отрублю. Больше в мои разговоры первым не лезь. Я и покалечу тебя, и лицо разобью так, что уродом останешься.

Приглаживая волосы и отряхивая одежду, Рагнер отошел к эшафоту. Раздался новый шквал оваций со свистом от восхищенной толпы вояк. Герцог Раннор лишь улыбнулся и, забирая у друга свой меч, сказал ему:

– Аргус, угомони их живо.

Тот поднял вверх полусогнутую, сжатую в кулак руку – и шум стал резко стихать.

– Заткнулись! – крикнул Аргус. – Следующие на сёрёдину! Живее шевелимся! Чёрез минуту не начнём: расходимся и драим свои жилища, а кто-то и уборные!

Рагнер закинул кольчугу на плечо, на руку положил цепь с кошельком, а меч взял так, чтобы его можно было легко достать из ножен. С угрюмым лицом он пошел к ратуше и у входа в нее оглянулся – новый бой уже начался.

Зайдя за ворота, он увидел Маргариту в светло-голубом платье – том самом, в каком она когда-то провела свой «идеальный день» Матронаалия. Нежно-голубой, почти белый, цвет платья очень подходил и нынешнему светлому, солнечному дню: девушка казалась олицетворением весны и ее свежести. Черная свирепая Айада, виляя хвостом, стояла подле нее. Сияясь «удержать грозное лицо», Рагнер направился к ним.

– Ты чего мне тут, пленница, вольно шастаешь? – резко спросил он девушку, положив свободную руку на собачью голову, что стала тереться о его ладонь и лизаться. – Чего молчишь? Отвечай давай.

От такого приветствия Маргарита изумленно округлила глаза и часто захлопала ими.
– Соскучилась... – тихо и обиженно сказала она. – И Айада тоже...

Рагнер вздохнул и дал команду собаке на лодэтском. Та бросилась к деревьям у конюшни, а он повернулся к девушке и улыбнулся:

– Еще не расплакалась? – уже с нежностью глядел он на Маргариту.

– Рагнер! – выдохнула она. – Ты такой...

– Тс... тихо, – цыкнул он. – Ты так тряпку из меня сделаешь, – ласково добавил Рагнер
– Видала, что пришлось только что учудить? А то решили, что я размяк тут с тобою и добрым стал.

– Видела, – сдвинула она брови. – Чуть сама не умерла от переживаний. Хорошо, что быстро всё закончилось.

– Розу принесли?

Маргарита сразу же расцвела и кивнула.

– Она просто чудесная, Рагнер!

– Рад, что понравилось, однако я не тебе ее купил.

– А кому?

Маргарита пыталась понять: новая ли это шутка или он серьезен. На ее губах лежала легкая улыбка, но зеленые глазищи пытливо смотрели на Рагнера.

– Кому-кому... – пробурчал он. – Айаде!

Маргарита сжала губы в притворном гневе, зато теперь ее глаза пылали любовью.

– Куколка моя, – прошептал Рагнер. – Иди наверх... А то я хочу тебя целовать, а здесь нельзя – ты у меня пристойная дама. Но еще немного, и я сломаюсь. Пошли, моя красавица. В таком узком платье здесь вообще не стоит разгуливать. Я минут через восемнадцать приду к тебе, – подмигнул он девушке, которая опять заулыбалась и немного порозовела в щеках.

Он позвал Айаду и проводил Маргариту до лестницы. Девушка и собака поднялись наверх, Рагнер же быстро осмотрел, что происходит в залах первого этажа, после чего сам поднялся по лестнице.

– Соолма у себя? – спросил он у дозорных на втором этаже.

Те подтвердили. Сбросив им на стол кольчугу и ремень с кошельком, но не расставшись с мечом, Рагнер пошел выше. Он постучался в дверь второй спальни на третьем этаже и услышал голос Соолмы. Открыв незапертую дверь, мужчина увидел свою подругу у окна. Ее лицо ничего не выражало, но Рагнер хорошо знал Соолму и видел, что она скрывает за показным равнодушием боль.

– Здравствуй, – проходя к окну, сказал он.

– Здравствуй, Рагнер, – спокойно ответила Черная Царица.

– Кормила сегодня собаку?

– Конечно, – с серьезными глазами улыбнулась она и обратила лицо к замку.

– Значит, розу видела... – заключил Рагнер и вздохнул. – Соолма, кажется, у меня с ней чувства... любовь... Хочу, чтобы ты знала. Что скажешь? Только не лги.

– Я рада за тебя, – холодно говорила Соолма. – Я могу ее принять, если ты так хочешь. Не беспокойся.

– Я собираюсь хранить ей верность, – тихо сказал Рагнер, внимательно глядя на свою подругу. – Иначе она не простит и иного не примет.

Соолма скривила рот. Ее черные глаза будто застонали в муке.

– Говорил тебе: не влюбляйся в меня, – продолжал Рагнер. – У нас никогда не могло быть будущего, сама всё прекрасно знаешь: рано или поздно всё бы закончилось... Да и не стою я твоих страданий. Сейчас ты убедилась в этом лишний раз.

– Не продолжай, – справилась с собой Соолма. – Я всё понимаю.

Рагнер посмотрел на нее еще немного и, не зная, что еще сказать, пошел к выходу.

– Спасибо, – произнес он у двери. – Если теперь тебе что-то не захочется для меня делать – просто скажи. Или если комната другая нужна, то выбирай любую...

– Нет. Я привыкла. Не тревожься ни за меня, ни за себя. Ни за нее, – холодно говорила Соолма. – Я не причиню ей вреда.

– Хорошо, спасибо еще раз, – открыл Рагнер дверь, но остановился в раздумье на пороге. – Вот еще что... Собаку больше не корми. Ты там ныне не только розу можешь увидеть. Больно будет нам двоим.

С этими словами он вышел в коридор и там тряхнул головой, прогоняя из нее образ Соолмы – страдающей, но гордой, и такой дорогой его сердцу подруге, что он убил бы любого, кто бы ее обидел. В этот миг Рагнер Раннор хотел убить самого себя. Однако через пару шагов он уже улыбнулся, зная, что его с нетерпением ждет подобная весне златоволосая красавица. Рагнер сбежал по лестнице на этаж ниже и, к своему удивлению, обнаружил у дозорных взволнованного Эорика.

– Чего еще? – проклиная всё на свете, спросил Рагнер.

– Градоначальник, – сказал тот. – Только что. В башне ждет.

Теперь Рагнер по-настоящему помрачнел. Он тяжело посмотрел на друга и, перекосив рот, задумчиво усмехнулся.

– Замени Аргуса, – сказал Рагнер. – Пусть он идет к входу в башню. Я там тоже буду. Совиннак в кабинете?

Эорик кивнул и поспешил вниз. Рагнер в молчании надел кольчугу, закрепил ремень и цепь. Снимая с головы капюшон и выправляя хвост волос, он с печалью посмотрел на дверь своей спальни, после чего стал медленно спускаться по лестнице.

В кабинет, что был на последнем этаже смотровой башни, первым вошел Аргус, Рагнер появился за ним. Ортлиб Совиннак стоял у окна, заложив руки за спину, смотрел на Главную площадь, где шли бои, и не спешил оборачиваться. Одет он был как средней руки торговец – в тунику до колен с воротником-капюшоном. Голову венчала черная тока из фетра. Напольные часы в кабинете показывали конец третьего часа. Обычно так рано Рагнер в ратушу не возвращался – и из этого следовал вывод, что бывший градоначальник наблюдал за тем, как он приехал и как дрался.

«Значит, Маргариту тоже видел в окне», – понял Рагнер и сказал своим людям по-лодэтски:

– Выйти всем, кроме Аргуса.

Рагнер прошел к стульям у большого стола в центре кабинета, подвинул один из них ногой для градоначальника, а сам сел по другую сторону стола. Аргус остался стоять с рукой на мече недалеко от двери.

Ортлиб Совиннак медленно повернулся и встретился взглядом с Лодэтским Дьяволом: глаза-прорези столкнулись с колючим стеклом, и никто не собирался уступать.

– Садись, – процедил Рагнер.

Они вместе отвели глаза. Ортлиб Совиннак, будто бы не замечая Аргуса, протопал мимо него вглубь кабинета и сел за спиной Рагнера на скамью. Тот, разворачиваясь по ходу движения бывшего градоначальника, был вынужден встать, повернуть стул, снова сесть и сложить на груди руки так, чтобы его правая ладонь касалась рукояти кинжала.

– Как будет угодно долгожданному гостю, – усмехнулся он. – Шапку сними.

Ортлиб Совиннак молча снял току и шапочку под ней, наклонил голову.

– Гюс Аразак, – сказал Рагнер правду, на всякий случай защищая Маргариту.

– Разумеется, – усмехнулся Ортлиб Совиннак, надевая нижнюю шапочку и току. – Гюс – пронырливый подлец и гнус. Так я его прозвал... Он сперва кажется полезным... особенно,

когда садишься с его спины на коня... Но вы еще крупно пожалеете, как и я, что связались с ним.

– С чем пожаловал? – холодно спросил Рагнер. – У меня мало времени.

Ортлиб Совиннак гордо поднял голову, выставив вперед бородку клинышком.

– Я готов вам помочь, – ответил он, упустив почетное обращение к аристократу. – Я дам вам план подземного хода. По пергаменту будет видно, что ему не менее сотни лет. И вторую, с таким же планом, дам бумагу, какой тридцать лет. Время – это доказательство неподдельности бумаг. Ход Альбальд Бесстрашный приказал засыпать много лет назад после неудачного заговора, но завал лишь на выходе и его можно будет разобрать дня за три. Герцог Альдриан о нем не знает. Ведет ход в покои самого герцога Лиисемского. Всё очень просто.

– Слишком, – проговорил Рагнер, не сводя глаз с бывшего градоначальника. – А как насчет других ходов? Или Альдриан дурак, что имеет один заваленный ход из замка?

– Я вам и о другом расскажу, не беспокойтесь, – с достоинством в голосе отвечал Совиннак. – И как заманить в ловушку герцога Альдриана Лиисемского, тоже открою, но дальнейший разговор случится только после того, как моя супруга покинет ратушу и будет в безопасном месте. Я же останусь. Я не боюсь. Когда она будет в безопасности, вам принесут планы и я проеду с вами туда, куда пожелаете. Более я ничего не скажу, пока она не покинет это здание и я не увижу ее на площади в том окне.

Рагнер встал на ноги.

– Мне неинтересно, – ответил он.

Ортлиб Совиннак ожидал чего угодно, но только не этого. Он непонимающе и зло взглянул на Рагнера, а тот ему самодовольно улыбнулся.

– Я уйду, – сказал Рагнер. – Ты тут тоже не расслаживайся. Кабинет люб тебе, да он уже не твой, а мой. После меня – на выход. Тебя проводят за ворота, и чтобы больше я твою бородатую башку не наблюдал – она мне не нравится. С удовольствием попрощаю ее с твоей толстой шеей.

Рагнер направился к выходу. Совиннак вскочил со скамьи и крикнул:

– Говори, что хочешь! Всё сделаю!

Рагнер хотел уйти, ничего не ответив, но у порога развернулся и с презрением посмотрел на бывшего градоначальника.

– Шестнадцать полных дней прошло! Нужно было появиться намного раньше.

Он вышел, хмурясь, напряженно думая и вспоминая короткий разговор. На винтовой лестнице, не оборачиваясь к Аргусу, Рагнер сказал:

– Альдриана уже нет в замке.

Они продолжили спускаться, и только на первом этаже Рагнер остановился.

– Он бы не пришел так поздно, если бы действительно хотел сдать своего герцога, – тихо сказал Рагнер Аргусу. – Скажи, что ты думаешь?

– Скорее всёгё, ты прав, – ответил его войсковой наместник, отводя в сторону глаза. – Разговор был слишком коротким. Нё он собирался остаться. Мы могли бы понять, допрашивая, лжет ли он.

– Нет... Он бы сказал нам правду, но как-то всё равно обманул бы нас... У этого медведя два выхода из берлоги, как у барсука из норы... если не больше... Так, скоро будет наступление. Три дня у нас есть. Скоро будут гости – надо их встретить так тепло, как мы умеем, – растянул улыбкой свои большие губы Рагнер. – Позаботься, чтобы войско завтра было трезвым. С завтрашнего дня совсем не пить. Начинаем готовиться к громовой атаке.

Рагнер замолчал и прислушался.

– Слышу, как он топает, – тихо добавил герцог. – По этой лестнице, должно быть, едва забирался в свой кабинет... Еще и волевой... Вот что... – нахмурился Рагнер. – Ты думаешь: что я только из-за нее так поступил. Не только. Сложно объяснить... его кабинет в том желтом

доме оказался очень непохожим на спальню в ратуше, где я живу: будто два разных человека. Я таким людям не доверяю. Но ты прав в том, что если бы я только из-за нее решил, то и тогда, не думая, его бы выставил.

Маргарита сидела за столом, уткнув в него локти и поддерживая ладонями голову, убрannую белым, шелковым платком. Ожидая куда-то запропастившегося Рагнера, она любовалась желтой розой, что обрела дом в округлом стеклянном кувшине. Уделив всё внимание цветку, девушка не видела, как входил и выходил из ратуши Ортлиб Совиннак. По странному совпадению Маргарита думала о «муже» и о том, что тот ни разу не подарил ей букета или иного бесполезного, но милого подарка, – ни до, ни после венчания. Затем она осознала, что ей вообще никогда до этого дня мужчины не дарили цветов. Даже Нинно, не считая ирисов на колечке.

Она услышала стук в дверь и узнала «руку», но на всякий случай спросила прежде, чем открыть дверь.

– Умница моя, – зашел Рагнер, закрыл дверь на засов и обнял ее. – Не забывай спрашивать.

– Ты опять в кольчуге... – удивилась девушка.

Рагнер вместо ответа быстро поцеловал ее и отошел.

– Айада! – крикнул он, проходя в комнату. – Твоя очередь, моя девочка.

Собака уже неслась к нему – через миг она прыгнула лапами на нагрудные пластины и нежно заскулила хозяину в лицо, будто хотела сказать, что соскучилась намного больше Маргариты. Рагнер, чтобы не поранить собаку, осторожно взял ее за передние лапы и спустил их на пол. Приказав Айаде сидеть, он стал наглаживать ее большую черную голову.

– Что случилось? – спросила Маргарита. – Ты какой-то не такой... Или ты опять меня разыгрываешь? – весело прищурилась она.

Рагнер потянулся к ней и снова поцеловал, затем достал из кошелька небольшой мешочек из камышовой рогожи.

– Это тебе, – сказал он. – А роза Айаде!

Маргарита, успокоившись, взяла кулек. Рагнер чмокнул ее в лоб, отошел к сундуку и стал снимать кольчугу, а девушка присела за стол и, открыв мешочек, искренне обрадовалась лакомству.

– Спасибо, – положила она орешек в рот. – И за розу тоже. Я когда ее увидела, так поверить не могла. Еще ведь так рано для роз. И целый день я сижу и смотрю на нее... Лишь когда Айада тебя почувствовала и встала, то я тебя увидела на площади... – говорила она и грустнела. – Рагнер! Что случилось?

Рагнер молча подошел к сидевшей за столом девушке, встал позади нее и, обнимая ее за плечи, поцеловал в макушку через платок, а потом уткнулся носом в ее голову.

– Кушай сласти, – услышала Маргарита его тихий голос.

– А ты хочешь?

– Нет.

– Я боюсь жевать, пока твой нос в моей голове: вдруг его откушу, а безносый рыцарь мне не нужен, – пошутила Маргарита, но Рагнер не откликнулся шуткой.

Он разомкнул объятия и присел рядом с ней на стол. Не улыбаясь, Рагнер легонько приподнял лицо девушки и нежно погладил ее щеку пальцем.

– Правда роза понравилась? – тихо спросил он. – Всего-то цветок... Завянет через пару дней, и ты о ней забудешь.

– Нет! – встала она со стула и сама обняла его за шею. – Не забуду никогда. К тому же мне до этого дня мужчины никогда не дарили цветов. Ну, лишь брат Амадей однажды тоже желтую розу дал, но он же священник, а более никто, даже дядюшка или братья...

Улыбаясь, Рагнер простонал в притворной жалости и крепко прижал ее к себе.

– Бедняжка! Тогда это хоть не первый, но последний цветок в твоей жизни!

Маргарита запрокинула голову – он, извиняясь, поджал губы.

– Я не шучу. К таким угождениям я не склонен... Я сам не помню, сколько лет назад дарил цветы. Лет шестнадцать прошло – это точно. Еще до Сольтеля...

– Тогда я тем более эту розу никогда не забуду, – прошептала Маргарита, преданно глядя на него зелеными глазищами.

Вздыхнув, Рагнер стал снимать с ее головы платок. Под ним показались собранные в жгут и закрученные в пучок волосы.

– Никого больше на площади не видела? – спросил он, расправляя светлые локоны и любуясь их золотым блеском.

– Много кого. Там же поединки... Аргус на эшафоте...

– Раз Аргус на эшафоте, то не видела... – тихо и медленно проговорил Рагнер, поднял девушку на руки и понес ее к кровати.

Он уложил ее на красное покрывало, но более трогать не стал: упал рядом и закрыл лицо локтем. Маргарита молчала, понимая, что произошло что-то очень плохое, и затаив дыхание ждала его слов.

– Рааагнер, – жалобно позвала она. – Я сейчас заплачу.

Он вздохнул, опустил руку и повернул к ней голову.

– Говорил же, что боюсь тебя. Вот, надо бы сказать, а не решаюсь, – он провел рукой по ее волосам, задерживая руку у щеки. – Твой супруг только что приходил...

Маргарита широко раскрыла глаза. Рагнер убрал руку, а девушка села на кровати спиной к нему и стала размышлять над услышанным.

– Ты свободна, – произнес он. – Если хочешь, то уходи.

Маргарита резко развернулась и хмуро уставилась на него.

– Seriously, – тихо сказал Рагнер. – Мои люди отвезут тебя в дом твоего дяди к тому вонючему деду. Супруг наверняка быстро найдет там тебя.

– Так Ортлиб меня не ждет? – с надеждой спросила Маргарита. – Ты с ним договорился или нет?

Рагнер приподнял голову и строго посмотрел на нее.

– Ты меня за кого принимаешь? Я тебя вот так просто сменяю, как уже ненужную вещь? Тебя, красивую, на скрягу Альдриана, да ради старого, плюющегося Ивара?

Маргарита обрадовалась и бросилась к нему на грудь не хуже Айады.

– Рагнер! – глядя в его глаза, возмутилась она. – Ты меня доведешь! Сразу сказать не мог? Я думала, что Ортлиб уже меня поджидает!

– Пытался сказать, как умею, – повеселел Рагнер и обнял ее. – Так что, у тебя супруга точно больше нет?

Маргарита помотала головой.

– Надо было всё же вдовой тебя сделать, – проворчал Рагнер. – Еле сдержался... Если бы слова не дал, то...

– Он ушел? Живым и невредимым?

Рагнер кивнул.

– Ну и хорошо, – ответила она, запуская руку в щель рубашки и поглаживая его грудь – Не хочу, чтобы такой страшный грех на нас висел.

– Ты моя добросердечная! Я же рыцарь: мне можно убивать без греха.

– Он мне жизнь спас, – серьезно проговорила Маргарита. – Я не хочу быть с ним и боюсь его, но смерти ему никогда не пожелаю. Пусть будет сам по себе и живет как ему угодно, – снова начала она поглаживать грудь Рагнера.

– Пару минут, моя добрая красавица, – вздохнул он и остановил ее руку. – Я пойду ополнусь: весь потный от этой жары. И побреюсь, пожалуй, а то будешь у меня ходить, как Ивар, с красным носом и щеками.

Рагнер, вспомнив короля Ладикэ, тихо засмеялся, закрыв лицо ладонями и порой фыркая в них.

– С меридианским у тебя вроде неплохо, – опуская руки, сказал он. – Знаешь, как этот шепелявый, старый хрен тебя обозвал? Крафифая!

Маргарита тоже рассмеялась.

– Крафифая моя! – обнял ее Рагнер и перекатил на спину. – Из-за такой крафифой война могла начаться между Лодэнией и Ладикэ. Я всю встречу держался, но этого вынести не мог – в конце концов улыбнулся. Бедствия, значит, у всех из-за тебя, – нежно поцеловал он ее губы. – Я сегодня едва этих всех не переплюнул!

Рагнер приподнялся на кровати и, стоя на коленях, расправил плечи – будто сбросил с них тяжесть.

– Ладно, крафифая, пойду приведу себя в порядок и тоже буду крафифивым... На самом деле нехорошо смеяться над Иваром. Я его как никто понимаю: я тоже когда-то не все звуки выговаривал, но ты бы у меня была «кашивой», а не «крафифой»... – улыбнулся он, показав серебряные зубы. – Быстрее бы отделаться от этого шепелявого козла, – потер он лицо руками, вставая с постели. – Видеть его нету сил.

Сделав пару шагов к уборной, Рагнер вернулся, оперся рукой о столб в изголовье кровати и внимательно посмотрел на Маргариту – она запрокинула к нему голову.

– Поедешь со мной в Лодэнию? – спросил Рагнер. – Правда, как и говорил, не много я могу тебе предложить: лишь мой старый замок в Ларгосе. Ну а там – посмотрим...

Зеленые глазищи будто стали ярче. Не раздумывая, Маргарита радостно кивнула головой, а рот Рагнера расплылся в широкой улыбке.

– Не уходи никуда! – приказал он. – Так и лежи! Я мигом.

Он подошел к собаке и, поглядывая на Маргариту, стал что-то говорить Айаде на лодэтском.

– Раз так, – сказал он. – Будешь ты теперь Айаду кормить, пока меня нет. Я сегодня приучу ее к тебе. А потом и рубашки мои стирать заставлю! – строго добавил он.

– Я с радостью. Я умею стирать.

– Ни за что! Ты у меня только для любви. И еще сласти трескать, – взял он мешочек с орехами и кинул его на кровать рядом с Маргаритой.

– Чтобы скучно не было, пока я там вожусь.

Оставшись одна, Маргарита перевернулась на живот и положила в рот орешек. Ее взгляд уткнулся в розу, и она с нежностью посмотрела на дверь, за какой шумел Рагнер.

«Лодэния, – думала она, – королевство, похожее на спины трех гигантских рыб. И еще множество мелких островов-рыбешек плавают около них».

Девушка резко встала с кровати, бросилась к своим учебникам на столе, взяла «Географию» и открыла карту Лодэнии. Она нашла Ларгос посередине полуострова Тидия: указывающий на храм меридианский крестик в треугольном сколе вогнутого контура на карте.

«Самая северная страна! Линия Льда так близко!»

Ощущая шероховатость краски, Маргарита провела пальцем по названию родного города Рагнера и, не сдержавшись, поцеловала крестик на карте. После она отложила учебник, прикрыла ставни и снова легла на кровать. Поглаживая пальцами свой живот, она улыбалась.

«Новая жизнь и вне меня, и внутри меня, – думала Маргарита. – Я должна была бы бояться того, что ждет нас с моим малышом, но раз Рагнер будет рядом, то я ничего не боюсь».

Глава XXV

Ненужное спасение

Смыслом Алхимии было изменение всех одушевленных и неодушевленных предметов. Идея получения золота и серебра из свинца находила для алхимиков богатых покровителей, защитников от розыскной службы Экклесии, и только. Даже короли тайно поддерживали этих ученых – и короли, как правило, не так сильно жаждали золота и серебра, как эликсира вечной молодости или приобретения при жизни бессмертия; иные мечтали найти способ воскрешать мертвую плоть. Алхимики верили, что ничего невозможного нет.

Знаки, какие дал первый Божий Сын металлам, могли бы поведать то, как получить золото или серебро из свинца, но, понимая алчность людей до денег, разьяснять символы металлов Божий Сын не стал, – люди лишь знали, что знаки были парными: более совершенной округлой форме соответствовала несовершенная жесткая форма. Так, парой золота или круга являлся свинец или квадрат, серебра или полукруга – медь с символом песочных часов, олова или капли – железо с символом треугольника, ртути или волны – сера с символом молнии. Серу называли отцом всех металлов, ртуть – матерью, а в соединении этих веществ, в киновари, пряталась Первоматерия или Соль, как считали алхимики, – она приводила всё в движение, и ее силе не существовало пределов.

Бессмертие Алхимия искала в изменении души, в «переплавке» ее в иное состояние, то есть в душу, состоящую из четырех стихий, как у Божьего Сына. Воздушное дерево души живого человека питалось из плоти стихией Воды и будто бы под солнцем согревалось Огнем, – значит: оставалось передать душе стихию Земли от плоти. Алхимики использовали сравнение с сосудом над огнем и кипящей жидкостью внутри него – нужно было сделать так, чтобы жидкость начала разъедать свой сосуд: требовалось бросить в нее Соль – и в тот момент, пока на Огонь падали первые капли, можно было передать душу тем же путем, каким передавал ее Божий Сын.

Первым этапом к «переплавке души» была подготовка, познание самого себя, чтобы отделить элементарные стихии от Соли: Первоматерия уже была в человеке, и располагалась она в метафорическом огне, а не в «сосуде». Смерть наступала, когда выкипала вся жидкость из такого сосуда и плоть превращалась в пустую емкость. Огонь, однако, сразу не угасал, продолжая накачивать «сосуд», – влив в него «жидкость», то есть жизненные силы эликсира молодости, можно было воскресить мертвого, при условии, что его тело еще не остыло.

К воплощениям этих теорий каждый алхимик шел своим путем: через снадобья, через амулеты, через тайные ритуалы, в том числе, как ходили слухи, прибегая к услугам колдунов, ведьм и демонов. Экклесия не преследовала тех, кто смешивал вещества в поисках драгоценных металлов, но делиться своими знаниями, делать записи и учить других всё равно запрещала. Тех, кого уличали в поисках бессмертия, тем более в попытках воскресить мертвеца, отлучали от веры или приговаривали к сожжению. Хватало даже подозрения, что алхимик общается с нечистой силой. Возмущало Экклесию и то, что эти еретики сомневались в знании. Они полагали Соль пятой стихией, следовательно, все взаимодействовало совсем не так, как учил Божий Сын. Таких «лжеученых» вызывали на Божий Суд – и еще ни разу Бог не оправдал никого из них да всех сжег молниями. По иронии жизни последний этап переплавки души как раз сравнивали с птицей Феникс, что, сгорая в огне, возрождается из пепла. Вот только ни один из алхимиков пока из пепла не возродился. В меридианской вере Феникс олицетворял высшую человеческую Добродетель – Любовь.

В день луны, девятого дня Нестяжания, Рагнер пришел в ратушу к концу вечернего часа Воздержания, а в день меркурия он вернулся после отбоя, в начале восьмого часа. Его войско

готовилось к битве, он же проверял укрепления Элладанна. Рагнер намеревался разбить взрывами строй противника, напугать врага разрушительной силой громовых бочонков и сразиться с теми, кто уцелеет, – так он оборонялся около года в Тронте и был уверен в дальнейшем успехе своей нехитрой тактики.

Для всех, кто хотел покинуть Элладанн, городские ворота оставили открытыми до заката двенадцатого дня. Многие миряне уехали, но многие и остались, решив, что Лодэтский Дьявол всех победит и Элладанн – это самое безопасное место. Маргарита, узнав о решении Рагнера не держать горожан против их воли, पुष्че полюбила того, кого недавно считала чудовищем и даже демоном. Узнавая больше о Лодэтском Дьяволе, она смеялась над своими прежними страхами. Ночью, когда день меркурия сменялся днем юпитера, Маргарите довелось узнать еще больше: увидеть, какое сокровище герцог прятал в тяжелом и грубом сундуке.

Она проснулась в полумраке одинокой постели среди зловещего мужского шепота. Похолодев, Маргарита подумала, что Рагнер всё же колдует и именно сейчас вызывает демона. Дрожжащими руками она приоткрыла завесу балдахина и нахмурилась, сама не понимая, что такое увидела. Распустившаяся в стеклянном кувшине желтая роза и учебники перенеслись на подоконник к маленькой свинке, а за столом, спиной к кровати, в привычных черных штанах и в белой рубашке с закатанными рукавами, сидел Рагнер. Он над чем-то сгорбился при тусклом свете единственной свечи и бормотал заклинания. Всмотревшись в то, что было щедро рассыпано по столу, Маргарита закатила глаза и, придерживая ткань под подбородком, высунула по причине своей наготы только голову из завесы красного балдахина.

Напоминая прожорливую белку, Рагнер сгорбился над скорлупой банального грецкого ореха и единственную нечистую силу, которую он мог вызвать подобными подношениями, так это лишь какого-нибудь падкого на орехи гнома. Загадочный сундук открыл свою черную кованую крышку, но вместо сказочных сокровищ туда набилась самая обычная солома.

«Этот человек никогда не перестает меня изумлять», – подумала Маргарита, с любовью глядя на седую прядку в волосах Рагнера, ныне скрученных в узел на затылке.

– Ах, ты мое диво! – обернулся мужчина и улыбнулся. – Твоя золотая голова, торчащая оттуда, – это нечто бесподобное.

– А ты тут что, один орехи жуешь?! Ночью? И это я жадина?

Он тихо рассмеялся.

– Я саламандр делаю, – ответил Рагнер и, прищурившись, пристально на нее посмотрел. – Ты точно не бронзаянская или санделианская лазутчица, а то эти королевства состояние дали бы, чтобы узнать секрет моего оружия.

– Только орензская, – скрываясь за завесой балдахина, ответила она. – И сиренгская немного, – донесся оттуда ее голос.

Через минуту она вылезла, обернутая простыней, а Рагнер, закрывая глаза, снова беззвучно засмеялся.

– Вспомнил, как ты меня подобным саваном чуть до могилы не довела, – пояснил он свой смех. – Из всех, кто желал моей смерти, ты была удачливее прочих, поэтому сейчас я тебя особенно боюсь. Ты куда собралась, Белая Дева?

– К тебе, – остановилась она неподалеку от стола. – Мне любопытно.

– Любопытно ей, – шутиливо пробурчал Рагнер. – Ладно... Зажги больше свечей, но на стол их не ставь. Затем бери стул, садись тихонько, да не очень близко и так, чтобы ты никак не могла задеть стол, ни рукой, ни ногой, – а то ты сразу в Рай отправишься, а я в Ад. Конечно, я и на том свете тебя найду... со временем. Просто не хочу разлучаться, – подмигнул он. – И не разговаривай со мной. Это я серьезно.

Маргарита осветила комнату ярче и села поодаль на стул, а Рагнер продолжил свое занятие: из небольшой бутылки он выцеживал в скорлупку, уже наполненную белым, как сахар, порошком, капли тягучей жидкости, отставлял скорлупку и брал новую, – и так повторялось,

пока на краю стола не образовалась ореховая флотилия. Девушка тоже провела время не зря: она научилась считать до шести по-лодэтски, ведь именно числа бормотал Рагнер, отсчитывая капли. После того как армада ореховых суденышек заполонила половину стола, из-под него был выужен таз с водой и размокшей бумагой: Рагнер складывал орешки, закатывал их в колобки из бумаги и откладывал сушиться. В завершении странного действия он со вздохом взял в руки бутылку, с грустью посмотрел на четверть оставшейся в ней жидкости и заткнул узкое горло пробкой.

– Осталось всё убрать подальше от тебя, Белая Дева, – сказал Рагнер Маргарите, пряча бутылку в сундук под соломой.

– Я ничего не поняла, что ты делал, – призналась она.

Он смел оставшуюся скорлупу в мешок, выплеснул в окно воду из таза и стал переносить колобки в сундук.

– Я был бы рад тебе объяснить, хоть и пожалею... – говорил он, раскладывая по соломе бумажные шарики. – Но я сам толком не знаю, почему это работает. Я просто всё делаю точно так, как мне показали. Чем сильнее удар, раскалывающий такой орешек, тем мощнее взрыв, тем более с порохом... Всё же не буду больше ничего тебе говорить: и мне, и тебе спокойнее...

– Скажи хоть: почему саламандра?

– Ну... – неохотно объяснял Рагнер. – Изобретатель, алхимик, назвал это вещество «Сне саламандры». Мои громовые бочонки лишь кажутся простыми: над ними работали несколько изобретателей, и каждый решал свою задачу. А главный секрет моего оружия теперь знаешь только ты. Я, признаться, не ожидал, что ты проснешься. Когда ты спишь, то до тебя, красивая соня, не добудишься.

– Неправда, – улыбалась ему Маргарита. – Ты с моей теткой просто незнаком. И лучше не знакомься: и мне, и тебе спокойнее... А орехи важны?

– Всё важно...

– Это твой Дьявол тот алхимик?

– Ты точно лазутчица, – посмеивался и Рагнер. – Нет, до возвращения с Бальтина я и знать не знал о «Сне саламандры». Тот алхимик совсем не Дьявол и не занимается колдовством. Он добрый. И познает себя только тем, что пьет, как конь. А мысль о бессмертии его в ужас приводит: он со своей-то жизнью не знает, что делать... Говорит, что не хочет больше перерождаться, что жизнь бессмысленна и, вообще, она... Тут мне сейчас эта твоя аллегория очень бы пригодилась, – широко улыбнулся Рагнер девушке. – Как там в свете, прошу прощения, дерьмо нынче величают?

– Слава Богу, я не знаю, – поморщилась Маргарита.

– А жаль... Более не расспрашивай меня о том, что видела, а лучше забудь. Даже для моего дяди-короля громовые бочонки – это тайна. Да и для меня тоже: я не понимаю, что к чему... Мне просто доверили эту силу, чтобы я изгнал зарвавшихся бронтаянцев с наших земель, – и я дал им огня. Бежала зайцами из Лодэнии великая держава ратоборцев и изобретателей! А героя Меридеи, Хаэрдского Медведя, Бюна Винхаэрда, я проучил как следует за хвастовство, за оскорбление моего имени и за то, что тот пролил кровь на земле Тидии, земле Ранноров: я его пленил и в выкуп забрал его собственные родовые земли, его Медвежий угол у самых границ с Тидией. Так себе графство – скалы да лес, но урок Бюну вышел красивым, и я ни разу не пожалел, что взял земли, а не золото... Кстати, победу над Бронтаей празднуют в дни Перерождение Огня, что вышло очень символично. Я же в своей стране из-за этой победы герой, а не Дьявол. У меня с тех пор есть золотые шпоры – не геройские, но тоже крайне почетные... Вернувшись с Бальтина, я узнал о «Сне саламандры», вот только еще нужно было сделать из этой саламандры оружие. Пока изобретатели ломали голову над моими задачами, я решил выиграть турнир Великих Мистерий, потому что когда-то бесславно выступил на другом турнире. Я ведь мог умереть на войне. Хотелось перед гибелью доказать

и себе, и остальным, что не только умею резать варваров, хотелось остаться в Истории кем-то достойным... Святоши уже тогда на меня собак спустили, прочие рыцари меня презирали за службу наемником, обвиняли в рыцарском Пороке Холуйства. А выиграть турнир – это же бесспорный подвиг, правда, обрести добрую славу у меня опять не вышло, – вздохнул он. – Ну, турнир я выиграл, сразу жутко поругался с дядей – у нас с ним редко бывает без ссор, но всё равно я присягнул ему на верность, чтобы отбыть на войну в Ормдц. И он, разозленный на меня, запретил мне возвращаться живым без победы... А еще лишил меня чествований и даже зажал мой слоеный пирог Великих Мистерий, – проворчал Рагнер, закрывая ключом замок сундука. – Мне из-за пирога было очень обидно... В отместку я из своего ордена за тот турнир позже сделал Айаде цепь на шею... Зато мне повезло в другом: один из изобретателей, подлинный гений, не только исполнил то, что я ему заказывал, а даже превзошел себя. Так и появились мои громовые бочонки, а я сам стал Дьяволом... И смирился – решил: раз назвали меня так, то я вам всем Ад покажу: и врагам, и святошам. Вот так я дошел до штурма Орифа в Великое Возрождение, и тоже не жалею... – невесело говорил Рагнер. – Разве можно было упустить такую возможность, что выпадает раз в тридцать шесть лет, и не дерзнуть? Святоши сами виноваты в том, что теперь свои сатурномеры скручивают. Это они всех мной так застрашили, что сами испугались, а мне это только на руку... Но что-то я опять тут начал слезы лить. Делаете из меня мягкую, мокрую тряпку... – улыбнулся Рагнер девушке. – Так я скоро в Возрождение рыдать начну и бесповоротно испорчу свою темную славу... Всё, – хлопнул мужчина рукой по крышке сундука. – Пойду омоюсь на всякий случай... Жидкость та весьма ядовита...

– Земли, что ты получил, это Хаэрдмах? – спросила Маргарита.

Рагнер остановился на полпути к уборной.

– Да ты свои учебники не зря читаешь!

– Нет, зря читаю... Мой первый супруг был оттуда и его сестра. Ты напал на их городок и так их перепугал, что... Нееет, – Маргарита закрыла лицо руками. – Вот это точно не буду рассказывать...

– Мар-га-ри-та, – пропел Рагнер, – живо выкладывай, а то я как гадать начну и как всю твою Маргаритку там общиплю... – махнул он на кровать.

– Как же ты ужасен в аллегориях! – снова поморщилась девушка. – Ну хоть какой-то недостаток у тебя есть... Иди, пожалуйста, купайся. Я соскучилась, так сидеть и смотреть... – тонко и жалостливо добавила она.

– Лиса, подлиза и врушка, – стремительно уходя, процедил Рагнер, а когда он уже закрыл дверь, то до нее донеслось. – И наверняка лазутчица! Но я тебя люблю...

Маргарита с нежностью посмотрела на закрытую дверь, думая, что получила поразительное первое признание в любви.

Спрятавшись за балдахином в своем красном мире, они проговорили до рассвета. Маргарита лежала на груди Рагнера и рассказывала о первом муже: как в отчаянии вышла за него замуж, о том кратком и незадачливом времени, что они провели вместе, и о том, как странно умер Иам перед побывкой. Рагнер не поделился с ней убежденностью, что убийство Иама не обошлось без Ортлиба Совиннака – не хотел, чтобы грузная фигура бывшего градоначальника вернулась в свои любимые спальные покои, легла рядом с ними на постель. Комнату с красной кроватью и роскошной уборной Ортлиб Совиннак обставил вовсе не для Дианы Монаро. Гюс Аразак рассказал Рагнеру, что лишь в эту спальню никогда не вселяли гостей, а если градоначальник ночевал в ратуше, то только в спальне с красной кроватью и только один.

После краткого рассказа о своем первом муже, Маргарита упомянула о Марлене, Огю Шотно и их домике за замковыми стенами – рассказала и то, почему Марлена боится Лодэтского Дьявола. К ее удивлению, Рагнер совершенно не помнил, как напал на тот городок.

– Совсем-совсем не помнишь? – допытывалась Маргарита.

– Как он там называется?

– Лирхготбомм. Жуткое название, – поморщила она нос. – Такое едва ли можно забыть.

– Да там все такие...

– Ну вспомни, – просила Маргарита. – Вы ночью приплыли на каменистый берег, к какому никто не мог пристать... Гроза сильная была. А ваш корабль смог. Еще одно чудо Лодэтского Дьявола.

Рагнер развел руками.

– Я тут ни при чем – это всё Ольвор. У него чутье на бури, рифы и не только... С таким капитаном команда куда угодно корабль приставит. А если молнии сверкали, то Ольвор всё видел как днем. Он родился на лодке, с детства исходил все воды вокруг Лодэнии и мечтает однажды иметь свой собственный корабль: жить в морях и портах Меридеи, нигде надолго не бросая якоря. Правда, в Хельху он свой якорь как забросил... Не зря юг острова Ула, откуда он родом, омывает Хельхийское море... Теперь, если надумает от такой русалки отчалить, то она ему и паруса, и якорь оторвет... Как тебе такая аллегория?

– Гадость.

– Да где тут гадость? Гадость – если поженятся.

– Почему?

– Потому, что я Ольвора еще с Бальтина знаю, – ревниво нахмурился Рагнер. – Я не готов с ним расстаться.

– А Аргуса с какой поры?

– С Бронтай. Может, он вспомнит тот городок.

– Твои люди врата храма сломали. Тебе же нельзя как рыцарю нападать на святые дома.

– Кто на них нападает? Если врат не запирают – то их и не ломают, – такие древние договоренности. Духовенство само по себе и в заботе о своих сатурномерах. Да хоть помирай ты с голоду перед святошей, он лишь ответит: «Голод плоти ничем не грозит твоей душе – ползи к своим, вдруг кто-то сжалится, а если сил не хватит – удачи в следующей жизни! И да – не забудь подохнуть в Любви!»... Словом, это миряне сами запираются со страху в храмах. Я же щедро жертвую храму за выбитую дверь и приставляю к нему охрану. В Возрождение, кстати, тоже никто не должен падать на колени, но все так напуганы Концом Света, что добровольно склоняются... Вот так: хоть святоши и скрипят на меня зубами, ничего не могут мне предьявить.

– А еще молния в храм попала.

Рагнер хохотнул.

– Что же ты молчала? Помню я это. Великая держава изобретателей! Бронтаянцы, конечно, лучше всех в Меридее очищают металлы... да и мои ружья с пушками оттуда... Но шпиль на храме сделать не могут! Я тем людям жизни спас! А еще я там едва сдерживался, чтобы не посмеяться от души с друзьями. Я добрею, когда смеюсь. Я бы свою темную славу испортил, да и твоему мужу больше тебя досталось бы, чем он получил, – с веселыми глазами нахмурился Рагнер. – Знал бы, что так будет, истязал бы всех в этом Лир... Как там?

– Лирхготбомм! – засмеялась Маргарита.

Рагнер шутя плюнул в сторону.

– Надо будет всё же заняться своим графством и сменить там в первую очередь все названия! Ну, одним словом – плохо я старался. Мужа твоего на раз, но хватило, – погладил он щеку девушки. – Я ревнивый – просто жуть.

Улыбнувшись, Маргарита потрогала его необычное ухо с бугорком и завитком на мочке.

– Нравятся мои уши?

– Я таких еще не видела.

– Это не просто уши: это уши рода Раннор. С ними шутки плохи, – усмехался Рагнер. – Если рождается мальчик без такого уха, то всё – жене надо отрубить голову.

Маргарита распахнула глаза.

– Шутишь?

– Нет. Можно, конечно, и в монастырь, но это не в традициях рода Раннор. Серьезно, – посмеиваясь, подтвердил он, опуская веки и кивая. – Хоть одно родовое ухо, да должно быть у мальчика. У моего брата было такое левое, а другое – обычное. И у моего дяди, короля – одно, но правое, а у меня – два, как и у моего дзэна, кронпринца Зимронда. У девочек же может вовсе не быть таких ушей, как у моей маленькой сужэнны Ольги. Но чаще всего у девчонок одно родовое ухо, любое – правое или левое. Очень редко случается, когда два. У другой моей сужэнны, Алайды, как раз два, а у ее родного брата, моего второго дзэна Эккварта, опять одно – левое.

– Это некрасиво для девочки иметь одно такое ухо, – прошептала Маргарита, внимательно разглядывая ухо рода Раннор.

– Потихе да полегче! Некрасиво ей! – шутливо вознегодовал герцог. – Ухом гордятся. Есть легенда, – обнял он девушку, лежавшую на его груди. – Давным-давно в Малой Чаше жило чудовище, которое нападало на моряков. Воин из рода Раннор сразился с ним и убил его – и капля крови этого морского белого змея попала ему на ухо, а потом он отправился воевать в Северную Варварию. Там попал в плен, и варвары, желая его унижить, отрезали ему уши. И каково же было их удивление, когда незамедлительно стали расти новые уши: такие, как ты сейчас трогаешь. Варвары испугались и отпустили моего предка – он смог вернуться и жениться. Все Ранноры с тех пор хранят каплю крови морского чудовища. Белый змей в моем гербе – это как раз из той легенды.

– Тогда мне такие уши уже нравятся, – ответила Маргарита. – Легенда тебе подходит. Если ты, конечно, ее не выдумал только что, – промелькнула у нее догадка. – Уже половина из людей твоего герцогства с такими ушами, небось, ходила бы!

– Я не выдумал, а половина... – чмокнул ее в нос Рагнер. – ... половина – громко сказано. И еще неуважительно – ты чего о моих предках думаешь? К тому же, с четвертого поколения такие уши могут не появляться, даже у мальчиков, а в Тридцатилетнюю войну семьями вырезали за такое ухо. Наши враги убивали и тех, кто был без ушей или с изуродованными ушами: вдруг они скрывают, что тоже Ранноры, – значит, не имеют права жить, – протяжно вздохнул он. – Нет ничего страшнее, когда свара идет внутри державы и брат идет против брата. Надеюсь, твою Орензу это не ждет.

– О чем ты? – испугалась девушка.

– О том, что будет, после того как я уйду восвояси. Что будут делать Ивар и Альдриан? Или другие аристократы... Мне не оказал сопротивления ни один из городов на Лани, ни одно графство. Знаешь почему? Ненавидят герцогов Лиисемских. Когда цикл лет назад стотысячная пехота Альбальда Бесстрашного шла до Бреннодана, то разорила все прибрежные города, когда шла назад – разбойничала, грабила, бесчестила девиц... А герцоги Мартинзы и Елеста наверняка сейчас грезят, как займут престол, низвергнув слабого короля Элла... А что будет делать король Элла? Если он заручится поддержкой Санделии, то будет новая война. У Ладикэ в давних союзниках Аттардия, но Аттардийского Лиса лучше не звать на подмогу: он всех обдует и самый жирный кусок отхватит для Аттардии, например, Сиренгидию... Не хочу об этом говорить, – помотал головой Рагнер, будто вытряхивая из нее мысли. – Всё равно нельзя ничего изменить. Короны хотят иметь больше земель и подданных... У них это как жажда. Не смейся, но мне кажется, что короны живые. Они что-то наподобие головных пиявок – питаются разумом своего раба, а высосав его, переходят к новой, свежей и вкусной жертве. Королем я быть не хочу. Я не рад смерти отца, но думаю, что это к лучшему: что он умер, не став королем. А то сейчас, – весело прищурил он глаза, – какая-то девчонка лежала бы прямо на Божьем избраннике. Смелая девчонка, ведь я наверняка был бы Король Дьявол! – рассмеялся Рагнер. – Меня на Бальтине прозвали Черный Король или Дьявол по-нашему, так как в их поверьях тоже был Конец Света, а перед ним в мир должен явиться разрушитель мира, король

тмы. Бальтинцы, дураки, из-за моих зубов решили, что я – это он и есть... Король Рагнер I Дьявол! – усмехался мужчина, поблескивая серебром зубов. – Всего навиделась Лодэния, но это было бы чересчур даже для нее. А такой ангелок, как ты, мне бы в королевы подошел. Все в Меридее тебя бы жалели... – нежно прошептал он девушке, после повернул голову в сторону и приоткрыл рукой красную завесу. – Уже рассвет, – обнял он Маргариту обеими руками. – Болтали полночи до утра.

– Я высплюсь, что мне еще до вечера делать? – пожалала она плечами. – А вот ты...

– А я привык не высыпаться, – ответил Рагнер и, целуя ее, перекатил Маргариту на спину. – Довольно, еще наговоримся. В Ларгосе будет совсем нечем заняться, особенно зимой, – тихо говорил он. – Только и лежи вот так с тобой, теплой и нежной, и болтай. А за окном будет белая метель – неописуемо красивая, если смотреть на нее из окон моей спальни. Или вдруг пойдет снегопад, густой и пышный. Мне так нравится в это время цвет неба: светло-светло-серый, светящийся... Любишь снег?

– Очень... – шепотом ответила и она.

– Почти четыре восьмиды зимы, и все они будут твоими. Не ахти какой подарок, но я его тебе дарю.

– Спасибо, – прослезилась Маргарита. – Лучшего подарка у меня еще не было...

В это же предрассветное время зарождающегося дня юпитера, двенадцатого дня Нестяжания, из второй женской спальни на третьем этаже, вышла Хельха. Немного поболтав с Ольвором, она отправилась в кухню готовить завтрак. Ее шаги еще гулко звучали на лестнице, когда Гюс Аразак, тихо спустившись с четвертого этажа, скользнул в коридор к той же спальне и вошел в незапертую дверь.

Его ждали. Соолма, одетая в темно-багряное платье, с величавым спокойствием на лице сидела, выпрямив спину, на своей постели у окна. Гюс молча опустился на соседнее ложе – сел напротив нее. Эмильна осталась стоять – она нервно ходила по длинному проходу между кроватями, стеной и сундуками, то обхватывая себя руками, то прикладывая их ко лбу.

– Решайтесь, – заговорила первой Соолма. – На закате уже закроют ворота. У нас остался один день. Или сегодня или... для многих из нас может быть никогда... Нужно заканчивать этот поход. Чего же вы боитесь? Спросят только с меня. О тебе, Эмильна, никто не узнает. Ты, Гюс, будешь далеко.

– Но я не... – надула и без того пухлые губы черноволосая красавица. – Авось прознают? Меня Аргус удавит прежде, чем герцог доберется!

– Если с войной не покончить здесь и сейчас, то многих из нас не станет. Пойдем дальше на юг – и это затянется больше, чем еще на год. Прибудут войска из Лодвара и княжества Баро, возможно герцоги Мартинзы и Елеста ударят с севера... Войне не будет конца. А если Аргус погибнет, Эмильна? Он и так уже весь изрезан. Ранение под Тронтом, помнишь? Как он до конца зимы поправлялся? Ему может более не повезти...

– Уговорила! – вскричала девушка в красной юбке и тонкой рубахе. – Согласная я...

Соолма едва заметно улыбнулась и перевела черные глаза на Гюса Аразака – тот сидел, положив локти на широко расставленные колени и опустив в размышлении лохматую голову.

– А что же ты, Гюс? – взялась за смуглого здоровяка Черная Царица. – Ты же понимаешь, что она скоро от тебя избавится. Ей стоит одно слово сказать герцогу Раннору и... Даже не знаю, что будет. Ты ведь нарушил его приказ: не болтать о ней – рассказал Геррате про ее повара уже после. Рагнер этого не прощает. Если сказал, что язык и кишки вырвет, – значит: вырвет.

– Свиннак тоже меня убьет.

– Он будет тебе благодарен, Гюс. Ты вернешь ему законную жену – его честь. Уверена: у него сейчас мало людей, на которых он может опереться. Возможно, нет вообще никого. Он

будет вынужден полагаться на тебя, зная, что тебе некуда податься. В конце концов, просто сбеги, но отплати ей напоследок.

– Но как мне найти Свиннака? Я не знаю, где он скрывается.

– Рагнер говорил мне про вонючего деда. Ее деда. Он, я уверена, знает, где градоначальник: не зря он ночует один в пустом доме. Это какой-то зеленый дом с фонарной башней, сразу за Судом – не думаю, что таких много.

Гюс поднял глаза.

– Я знаю этот дом, – задумчиво проговорил он. – Там была неплохая съестная лавка. Я туда заходил, когда ждал Свиннака в Суде и был голоден.

– Поезжай сразу туда. Я дам тебе письмо для градоначальника. Ее саму вези в бывший большой дом: уверена, король Ивар будет там через триаду часа. Если градоначальника нет в городе, то король сам ее спрячет до его появления. Всё будет просто. Людей в ратуше сейчас мало. Геррата уйдет отдыхать к повару на чердак, Хельха будет днем с Ольвором, раз ночью они в разлуке. Решайся. Это твоя возможность отплатить ей. Разве ты не этого хотел?

Гюс очень желал отплатить девчонке, что унизила его, сломала жизнь ему и его тетке, но он трусил – видение приближающегося Ортлиба Совиннака на крыше хлебной кухни его по-прежнему ужасало: как и тогда он был готов бежать со всех ног, если такое повторится.

– Рагнер унизил ее супруга, – словно прочитала его мысли Соолма. – Так, как это делает Рагнер, это весьма и весьма больно. Ты будешь полезен этому человеку – ты ведь так много знаешь обо всех нас. Не переживай – убьет он тебя не раньше, чем Рагнера. А этого не случится.

– Заговоренный он, что ли?

– Он Лодэтский Дьявол. А Дьявола нельзя убить, как и Бога.

Гюс ухмыльнулся и сказал:

– Согласен – я испытаю свою удачу и сделаю это... И вот что, Соолма, своего Дьявола ты, конечно, любишь, но и Свиннак не менее опасен, поверь. Его можно пригнать, как это уже сделал герцог, благодаря шлюхе, но когда Свиннак разгибается, то сам Дьявол должен его бояться.

– Посмотрим, – ответила Соолма и в знак договоренности выставила полусогнутые руки.

Гюс приложил свою левую ладонь к ее правой – и получился крест. Эмильна перекрестила ладони с ними обоими – они образовали кольцо и сжали пальцами руки друг друга – так в Меридее заключались торговые сделки: считалось, что предатель креста, нарушитель клятвы, получит наисуровейшую Божью кару.

– Гюс, – добавила Соолма, разжимая пальцы, – даже не думай что-то ей сделать. Супруг должен принять ее невредимой, иначе он откажется помогать королю. Если не боишься возмездия свыше и думаешь обмануть меня, – сузила эта свирепая лицом меланка свои черные, с яркими белками глаза, – то знай: я найду на тебя змеиную болезнь.

Трусоватый Аразак невольно поежился, кисло улыбнулся и кивнул.

Маргарита проспала всё утро и встала с постели за полтора часа до полудня. Она искупалась, надела зеленое платье и едва закончила покрывать белым платком голову, как Гёре принес ей второй завтрак. Вместе с Айадой они подкрепились пищей. С тех пор как дертаянская волчица стала есть из ее рук, девушка перестала ее бояться. Однако гладить себя Айада пока еле позволяла и неоднозначно относилась к Маргарите: ревнивая, как законная супруга, собака не понимала, почему хозяин предпочитает всё время проводить с пришлой незнакомкой, пренебрегая ее обществом, отгораживается завесой красного балдахина и уединяется на часы с двуногой особой, которая не может ни бегать так же быстро, как она, Айада, ни кусаться. Но преданная Рагнеру собака, переступая через собственное недовольство, послушно ему служила и старалась угодить – в этом она напоминала Маргарите Соолму.

После Маргарита пошла прогуляться с Айадой, но в коридоре решила ненадолго заглянуть к брату Амадею. Утопая в своей грешной любви и опасаясь упреков из-за блудного поведения, она не навещала праведника со дня своего рождения, то есть уже целых пять дней. Дверь оказалась незапертой. Лорко сидел на подоконнике. При появлении Маргариты он собирался молча выйти, но девушка его окликнула:

– Здравствуй, Лорко, я так рада тебя видеть.

Парень опешил и развернулся. Зеленоватые глаза в желто-зеленой оправе синяков забегали.

– Привет, – несмело сказал он.

– Мне Рагнер рассказал о том, что ты вытворял.

Лорко смутился, думая, что она имеет в виду его стычку с герцогом в зале собраний.

– Я так смеялась, – продолжала Маргарита. – Особенно про розыгрыш Эорика в бане с плащом-невидимкой. Ты – это нечто!

Лорко смутился еще сильнее.

– А еще он рассказал, какой ты храбрый. Он говорит, что ты мог бы меньше набить шишек, если бы... только не обижайся, прошу... если бы больше слушал, а не болтал всё время. Зато он еще называет тебя самым везучим человеком из всех, кого знает.

– Да, есть такое, – пробормотал парень, поглядел на нее исподлобья и по-доброму улыбнулся – шутовское лицо преобразилось и стало обаятельным. – Я пайду, болтайте... Амадюля, – Лорко прощально махнул рукой священнику и исчез за дверью.

– Амадюля? – удивилась Маргарита, садясь на стул перед кроватью праведника.

Брат Амадей спустя двенадцать дней лечения выглядел вполне здоровым, непривычно румяным и необычайно чернобородым; волосы на голове тоже заметно выросли и падали ему уже до середины груди.

– Мы подружились, сестра, – ответил брат Амадей. – Ему стало не с кем общаться, как и мне.

– Простите, пожалуйста, что не навещала вас, – виноватым голосом проговорила Маргарита. – Просто...

Праведник тепло усмехнулся ее розовеющим щекам.

– Я не в упрек, сестра. Я вовсе ничего такого не имел в виду.

– Я так счастлива, брат Амадей, – нежно улыбалась девушка. – Так счастлива... Не надо ничего говорить о том, что я опять поспешила... Я знаю... Но после того, что со мной сделал сын Совиннака, я не думала, что когда-нибудь смогу быть прежней. А сейчас я даже лучше, чем была, – звонко рассмеялась она.

– Я рад, – сказал брат Амадей. – Я должен был бы осуждать твой новый и уже осознанный грех, но, зная причины, не буду упрекать тебя, сестра, не бойся: всё же ты не замужем и не нарушаешь священных клятв...

Они немного помолчали.

– Как вы, брат Амадей? Выглядите вы очень хорошо!

– Да? Это так? – потрогал свою бородку пальцами священник. – Я хоть на себя еще похож?

– Не очень. Вы даже пополнели. Я могла бы вас не узнать. Так как вы?

– Хорошо, очень хорошо. Рана почти затянулась... Я уже пробую ходить на своих искалеченных ногах. Недолго пока, но с каждым днем всё больше. Скоро гулять буду... С палочкой, как старик! Да я и есть старик для тебя, да, сестра? Мне уже тридцать девять. Вот уже три года, как часы жизни пошли в обратную сторону, и я начал стареть.

– Вы вовсе не старый, – помотала головой девушка. – И, прости меня, Боже, очень красивый! – засмущавшись, встала она, а праведник шире улыбнулся. – Я зашла на минуту: с Айадой

гулять надо, – показала она на собаку, сидевшую подле стула. – А то она терпит. Я к вам чуть позднее еще зайду... Зайти сегодня?

– Да, приходи обязательно. Как я понимаю, ты не желаешь притворяться женой Совиннака. Надо всё хорошо обсудить.

Маргарита кивнула и вышла с Айадой из комнатки. В коридоре она улыбнулась Лорко и хотела удалиться, но он ее остановил:

– погоди, – попросил он. – Я сказать хочу... Ента я цурьезна скажжу, не смейся, – вздохнул рыжеватый парень, раскрашенный зеленым вокруг глаз и невольно вызывавший улыбку. – Прасти меня, – тихо произнес он. – За вся. Ну за то, дча трогал тябя... И за то, дча глядел... за то, дча гаварил... Я и перяд всёми на калени вцтану и повинюся – ты не сомневайся. Амадей гаварит, дча и кароли вцтают на калени пярעד дамами, оттага ча рьыцари. Ну коль уж дажа кароли, то и мяне не зазорное... Но малость позжа, а то герцог решит, дча я цдался – не вынес пуштяку... Он меня уважать перецтанет... А биться в бою я всё равное пойду. Сбёгу, огрябу, но пойду. А посла и повинюся за та, дча балтал про тябя, – слегка улыбнулся он. – Я и правда... чуттва к тябе мел. Со мною так всёгда, – шутовской рот снова расплылся, а в зелено-карих глазах появились искры. – Кады я любляюсь, то делаюсь дурным... Вот и вся, дча я хотил сказать... Ну ащя то, дча я сам втащу каму угодно, коль дча пра тябя услыхаю. Амадей мяне сказал, какавая ты... цветлая и добрая. Ча он видал, как ты вся цветом сиаашь! И уж не обижайся, набила бы меньшею шизшек, – рассмеялся он, – коли бы слухала разуму, а не сердцу. Зато как раз патаму ты и добрая. Он гаварит, дча ты удвительна – пережидь стока бедов и не одчёрстветь, не созлобиться... Коль краткое, ты – как горшочак золоту, да ащя эка дика краса! И тябя незя не люблять – ента ужа я сам так сдчатаю.

– Спасибо... – растроганно прошептала Маргарита, понимая, что еще немного и заплачет, но теперь уже от радости. – Спасибо за добрые слова... Я пойду, а то бедная Айада уж едва терпит.

Она стала уходить, когда Лорко ее перегнал и пошел спиной вперед.

– Ты тама смёкни герцогу, дча мы вся за нёго дюже радае, а? – говорил он, широко, по-доброму, улыбаясь и становясь дьявольски очаровательным. – Яго таковским дажа Эорик и Ольвор не помнют. Вся мы – радае!

Маргарита почувствовала, как ее щеки начинают гореть – и снова от радости. На двадцать первый день ее знакомства с Лорко отвращение к нему сменилось обожанием.

Пока Маргарита гуляла с Айадой во внутреннем дворе ратуши, то думала, что переживает идеальное начало идеального дня. Любуясь на весенние деревья, девушка ощущала себя необычайно легкой, будто бы ее тело стало сотканным из воздуха, а душа из белоснежно-сладкого цветения. И внезапно ей стало страшно: она вспомнила, что так же безмятежна была в Матронаалий – и тот день оказался последним светлым днем ее прежней жизни. Предчувствие чего-то темного набежало, как туча на голубое небо. Но отогнав прочь все дурные мысли, она пошла с Айадой назад, в главное здание ратуши.

«Что со мной может случиться под защитой Рагнера? – успокаивала она себя. – Он никому не позволит меня обидеть».

Ратуша опустела. Наступление войска Лиисема ожидалось уже в ближайшие сутки, и все бойцы Лодэтского Дьявола переместились к крепостям. Здесь в дневное время оставалось не более полусотни человек. Войдя в залу с колоннами, Маргарита встретила Эмильну и хотела пройти мимо, когда та ее окликнула:

– Подожди...

Черноволосяя сиренгка подходила к светловолосой сиренжке. Айада загородила Маргариту и оскалила зубы – Эмильна остановилась.

– Что тебе нужно? – спросила Маргарита, надеясь не услышать ничего такого, что бы ее расстроило, ведь Рагнеру на Эмильну не пожалуешься, иначе признаешься в неспособности решить самостоятельно даже такие мелочи, как женские склоки.

– Я повиниться хочу, – ответила Эмильна. – Честно, – плюнула она на пол. – Ты теперь одна из нас. Наша семья. Я за тебя горло порежу, ежели надобно.

– Спасибо... – еле сдерживая свой восторг, ответила Маргарита.

«Удивительный день, – думала она. – И Лорко! И Эмильна! Может, и с Соолмой мы подружимся... через много-много лет».

– Ты меня тоже прости, – сказала Маргарита. – Я видела, как ты страдала. Я не виноватая, что так...

– Забыли! – весело воскликнула черноволосая девушка. – Как мне звать тебя... Госпожа Свиннак?

– Нет, ты неверно произнесла имя моего супруга. «Маргарита» – лучше зови меня так.

– Хорошо, – заулыбалась Эмильна. – А давай сладкого попьем, поболтаем... Делать всё равное нечего.

– Пошли наверх? – согласилась Маргарита.

– Чего ты! Мне в почивальню к герцогу незя ходить – Аргус взбеленится. И тебе в нашу тож. Герцог вовсе будёт не радый!

– Прости, – прижала ладонь ко лбу Маргарита. – Не подумала и глупость сказала. Конечно...

– Пошли в кухню. Там щас пúстое, я точно знаю. Поварята отбыли к крепостям воинов кормить.

– Ну раз так, то давай.

В кухне Эмильна по-хозяйски начала делать какой-то травяной завар. Маргарита расположилась за большим столом, а Айада, присев на полу, с наслаждением нюхала воздух таком в милом для нее месте.

– Я тебе поклала тот же завар, как и себе, – щебетала Эмильна. – Цвет и травы, что тама, – очень вкусные с медом. И бодрит славно.

– Спасибо. А мне Рагнер рассказал, что ты Аргуса стрижешь.

– Да, а чё? – с двумя чашками в руках Эмильна подошла к столику и села рядом с Маргаритой. – Не спеши, еще дюже горячее... Так чё там, что я Аргуса стрижу?

– Я просто хотела сказать, что ему повезло с тобой, – беззаботно улыбалась Маргарита. – Я спросила Рагнера, почему у него длинные волосы, а он сказал, что так, как они живут, только три пути: бриться наголо и обрастать ежиком, как Ольвор, стричься нормально и неровно обрастать, как Эорик, или отпустить длинные волосы, как он. А потом я спросила, почему у Аргуса стрижка короткая и ухоженная, и он сказал, что это ты о нем заботишься.

– Да, ножи я пользую мастерски... Ты нашего герцога тож здорово причесала. Стоко болтовни былося! Но щас все свыклися. Всё, готовое, – попробовала Эмильна напиток из своей чашки.

– А ты правда из Сиренгидии? – спросила Маргарита, начиная пить сладкий завар. – Моя матушка была оттуда, из горного города Леэ.

– Да, по тебе видное. Но нынче таких тама уже малость – тока, наверное, в Леэ и есть. А по берегу все смешались. Я из Орифа. Это столица.

– Я знаю. Мои папа и мама там познаааа... комились... – зевнула Маргарита. – Кажется, я всё же не выспалась. А мы остановимся там по пути в Лодэнию?

Эмильна странно посмотрела на «новую подругу».

– Герцог тебя в Лодэнию берет?

– В Ларгос, – сказала Маргарита и опять зевнула. – Говоришь, завар бодрит? Надо его пить быстрее, а то на этом столе засну. Извини.

– Ничего, – задумалась Эмильна и снова странно посмотрела на Маргариту.

В кухню, шурша темно-багряным платьем, вошла Соолма. Айада, увидев ее, обрадовалась и замахала хвостом.

– Можно? – добрым голосом спросила Соолма у Маргариты, протягивая руку к собаке. – Я соскучилась по ней.

– Конечно, – ответила девушка.

Соолма села на табурет неподалеку от стола, подозвала к себе собаку и, поглаживая черную, лоснящуюся шерсть Айады, стала что-то говорить ей на лодэтском.

– Маргарита в Лодэнию собирается, – с нажимом проговорила Эмильна. – Герцог берет ее с собою. В ваш Ларгос.

Соолма, словно это не ей говорили, продолжала миловаться с собакой.

– Не важно, – помолчав, ответила она на лодэтском. – Мы договорились.

Соолма жестко посмотрела на смуглянку, а та нахмурилась. Маргарита этого не видела: она снова зевнула – да так, что спрятала лицо в ладони.

– Хошь знать, как я сталася бродяжкой? – спросила Эмильна, исподлобья глядя на Маргариту. – Меня все про эт выпрашают. И ты наверняка хотишь знать.

Маргарита кивнула, и Эмильна продолжила:

– Мой отчим полез ко мне, тока мне одинцать сбилось или даже раньшее. А в мой тринадцатый год задрал мне юбку и... Я сразу с моряками сбежала... Многого повиывала. Воротилася через трое годов – и тогда уж он скулил и ревел. И я его не пощадила, как и он меня. Я никого не прощаю. А ножи я пользую мастерски.

– Я тебя как никто понимаю, – сочувственно сказала Маргарита, едва удержав зевоту. – Тебя тоже предал и унизил тот, кто должен был беречь, но тебе еще хуже. У меня всегда были те, кто б меня защитил, мне были не нужны ножи...

Она тряхнула тяжелеющей головой, но веки сами собой закрывались, язык деревенел, слабость заплоняла тело.

– Эмильна, прости меня, пожалуйста. Я пойду наверх, а то я так спать хочу, – решила прервать беседу Маргарита. – Клянусь, что из последних сил держусь. Это даже странно... – с подозрением посмотрела она на чашку.

Неожиданно Соолма поднялась с табурета и, разговаривая с собакой по-лодэтски, вышла с ней из кухни.

– Стойте! – вскрикнула Маргарита и, уже осознавая, что происходит, резко встала.

Она пошатнулась – Эмильна подхватила ее. Перед глазами Маргариты всё поплыло, а затем начали вспыхивать огромные черные пятна, стремительно распускавшиеся и гаснувшие, словно колдовские цветы. Она постаралась вырваться и крикнуть, однако Эмильна уже закрыла ей рот – она крепко ее держала и нашептывала ей на ухо:

– Тебе еще свезло. Я тебя и прирезать могла, лживая дрянь. Герцог вконец с уму спятил: отказался от отменного плана с подземным ходом. Мне Аргус проговорился. Вместо победы и дороги до дому, еще черт знает скоко воевать... Скоко людей за тебя сгинут? Аргус могёт сгинуть. Воротайся к мужу – тама тебе место, Госпожана.

Маргарита увидела большой, расплывчатый силуэт кого-то, кто еще появился в кухне. Черные пятна перед глазами теперь танцевали каплями дождя по луже. Рук и ног она не чувствовала: они состояли из воды, растекались по полу и далеко уплывали. Голос Гюса Аразака Маргарита слышала переливчатым эхом.

– Не впускай сюда никого, – сказал Эмильне Гюс Аразак, подхватывая отрывисто дышавшую от испуга, совершенно безвольную Маргариту – она вращала глазами и пыталась говорить, да едва что-то мямлила. – У меня всё готово – я быстро.

И он небрежно поволок девушку в кладовую. Она еще была в сознании, когда Аразак, засунув ее в бочку, произнес:

– Ты себя плохо вела. Очень-очень плохо. Я не забуду всё подробно Свиннаку поведать... – говорил он, засовывая одеяло в пустые промежутки между бочкой и телом девушки, накрывая им же голову Маргариты и засыпая поверх очистки от овощей. – Королева мусорной бочки, Ульви I Помойная! Как тебе это? Нравится? Ты, я и бочка, – всё, как и прежде, ведьма.

Аразак надвинул крышку и стал закреплять ее с двух сторон гвоздями. Последнее, что Маргарита помнила, как она со всей силы крикнула: «Рагнер!», но прозвучало это как еле слышный стон.

Через девять минут Гюс уже волочил бочку во внутреннем дворе ратуши, перекатывая ее дном по земле. Молодой дозорный, который знал про его слабую руку, стал помогать ему затащить груз на телегу.

– Дчта в нёй? – поинтересовался он. – Тьи пьёлную бочка надо возить цюда, а оцюда пуцтую.

– Помои для свиней, – ответил Аразак. – Поменяю бочку на свиновы хвосты и уши. Могу вскрыть...

Дозорный махнул рукой, и Гюса не стали задерживать. Через триаду часа, возле темно-красного особняка на улице Благочестия, он говорил с ладикэйским воином, чьи коричневые штаны и белый воротник указывали на звание оруженосца. Ему Гюс Аразак передал второе письмо, написанное Соолмой.

Всё вокруг покрывал белый меховой ковер снегов. Долгие тени от ледяных валунов светились пронзительно голубым, а над гладким, умиротворенным морем разливался бледно-розовый, кисельный закат. Маленькое, горящее солнышко незаметно спускалось к синей линии горизонта. Маргарита спиной ощущала тепло – она, как в наброшенной шубе, тонула в объятиях мужчины, которого любила. Угловатые кисти рук с протоками вен лежали поверх ее изящных ручек, на ее же большом животе. Рагнер молчал. Она слышала его дыхание, но не ушами – оно раздавалось внутри нее. И было так спокойно, тихо...

Вдруг Рагнер заговорил не своим голосом, и Маргарита испуганно обернулась – всё сразу сломалось, покрылось туманом, а из него проступило бородатое лицо Ортлиба Совиннака. Оно было нежно-розовым, как тот закат, и всё вокруг тоже было розовым: и балдахин ее прежней кровати в темно-красном доме, и светлые портьеры на окнах, и дневной свет за ними, – всё парило в сказочной розовой дымке – такой, какой поэты описывали Элизий.

– Очнись, родная, хоть на миг, – твердил Ортлиб Совиннак, отгибая белый платок у лица девушки и смазывая ее виски уксусом. – Дай знать, что ты придешь в себя...

Бывший градоначальник сидел на кровати в светлой спальне своего бывшего дома и держал голову Маргариты на коленях. Рядом стоял король Ладикэ, Ивар Шепелявый, закованный в доспехи, а также несколько его рыцарей. Гюс Аразак, прислонившись к стене, с тревогой наблюдал за происходящим.

Маргарита что-то пыталась говорить, но единственное, что услышали и поняли собравшиеся, это было имя герцога Рагнера Раннора. Совиннак нахмурился и всмотрелся в стеклянные зеленые глаза, словно хотел увидеть там отражение того, что они наблюдали в далеком, нереальном, белом мире, покрытом снежными мехами.

– Дремли, любимая, – сказал он и оставил девушку в покое.

Совиннак грузно встал и бережно подложил под голову Маргариты подушку. На нем был черный плащ, в каком Жоль Ботно появился в ратуше, но со спущенным на плечи капюшоном, так как только аристократы и рыцари не обнажали голову перед королем. Одна тонкая черная шапочка прикрывала клеймо на темени бывшего градоначальника – она считалась бельем, и ее дозволялось оставить.

– Мне сказали, что часа через три-четыре она начнет приходить в сознание, – подал голос Гюс Аразак.

Ортлиб Совиннак сурово посмотрел на него и промолчал. Важно и с достоинством он поклонился королю Ивару, а затем заговорил по-меридиански:

– Мои условия те же, что я дал тому... – искал Совиннак верное слово, чтобы обругать Рагнера и не заслужить гнев тем, что оскорбляет аристократа, – ...соромнику в черном платье. Бл...дэтский Дерьямоявел, – не сдержался он.

Король Ивар понял его и, соглашаясь, довольно хмыкнул.

– Как только моя несчастная супруга окажется в безопасности, сюда придет человек с бумагами. Там будет план подземного хода, ведущий прямо в покои герцога Альдриана, о каком тому неизвестно. Его отец скоропостижно скончался, да и ход уже был завален. Одной бумаге сотня лет – и это видно, другой – тридцать. Выход – за стенами города. Завален он несильно: вы расчистите его за три дня, а то и меньше. Я же останусь с вами, насколько пожелаете.

– Пофему фы фак долго не объявлялфя? – жестко спросил король Ивар. – Эфо ффранно! Раф она фебе фак торога.

– Непросто решиться, Ваше Величество, на предательство города, какому я посвятил всю свою жизнь, – гордо ответил Совиннак. – Я думал, что смогу пережить потерю супруги, как пережил до этого множество иных потерь... Где сильнее ты потеряешь достоинство? Честь этой юной и чистой девушки уже растоптана, а с ней и моя честь. Усугубить позор предательством? Это непросто. Но я люблю свою супругу и не смог смириться, как ни старался.

– Любофь, – усмехнулся Ивар Шепелявый. – Одни бетфффия от нее... Альдриан ф фамке?

– Я не знаю, Ваше Величество. Скорее всего – нет, но он вернется. И попадет в засаду.

– Тругой ход?

– Да, Ваше Величество, по другому ходу. Сейчас он наверняка под охраной. Конечно, я укажу на него. Но лучше не появляться у его выхода: герцог Лиисемский не должен ничего заподозрить. Когда подойдет войско, он вернется, чтобы смотреть на битву с высоты холма. Могу представить, – улыбнулся Совиннак, – как будет удивлен Альдриан, когда обнаружит, что все преторианцы в Южной крепости – это воины из Ладикэ.

Король Ивар тоже улыбнулся.

– Второй ход начинается из Южной крепости, – продолжал Совиннак. – Я вам дам и его план, но он в другом месте. Больше ничего сообщать не буду, Ваше Величество, пока моя супруга не будет в убежище.

Король Ивар решил, что в любом случае градоначальник это намного более полезный пленник, и величаво взмахнул рукой, давая ему согласие, а Маргарите свободу. Также король Ивар предвкушал, что скажет Рагнеру Раннору, мыслил о сладком возмездии за всё то неуважение и своеволие, что он терпел больше года от Лодэтского Дьявола. Выплачивать тунну золота скупой король тоже не желал, и опять же радовался возможности выйти из сделки.

Ортлиб Совиннак поднял на руки забывшуюся сном Маргариту и понес ее вниз. На первом этаже их ждал Жоль Ботно, одетый в просторную тунику с воротником-капюшоном. Черная тока бывшего градоначальника теперь покрывала его голову. Не было больше и бороды у дядюшки Жоля, из-за чего он сразу помолодел лет на десять, стал еще толще лицом и добродушнее. Передавая ему на руки Маргариту, Совиннак сказал:

– Очнется через четыре часа, но начинай будить уже на месте – убедись, что она будет в порядке. Теперь уходите быстрее – время дорого.

Глядя в окно, Ортлиб Совиннак видел, как Жоль Ботно укладывает Маргариту на повозку с полукруглым навесом, прячет тело девушки под тюками, под них же засовывает току и как натягивает на лысину капюшон. Дядя Жоль изображал горожанина, покидающего Элладанн, и направлялся к открытым до заката воротам у Западной крепости. Лодэтского Дьявола, избе-

гавшего общения с королем Иваром, в тот день там не должно было быть. Когда повозка миновала городские стены, Толстая Тори оповестила о наступлении третьего часа.

Мargarиту стали искать лишь на исходе четвертого часа, и то только благодаря брату Амадею, который попросил Лорко ее позвать. Умный парень быстро сообразил что к чему и уже через девять минут гнал галопом лошадь к Северной крепости, крича на всю широкую дорогу, чтобы горожане расступились. Перепрыгивая через ступени, он вбежал по лестнице на смотровую площадку донжона и упал спиной на пол перед Рагнером. Пытаясь отдышаться, Лорко выдал:

– Ее... больша нету... Аразак... вывяз ее... в бочке авось-либо... Не знаю точная... Но ее боля в ратуше нета...

– Госпожа Совиннак? – уточнил Рагнер и, когда Лорко кивнул, крикнул тем, кто был с ним наверху:

– Живо закрыть все городские ворота! Немедля! Всех осмотреть и обыскать повозки! Все отсюда идите, кроме Аргуса. Чтоб через три минуты неслись к другим крепостям! И чтоб мой конь, и охранители были готовы.

Отвернувшись от Лорко, Рагнер посмотрел, как бочонок, запущенный снизу, с площади, преодолев высокие стены, загорелся пламенем в воздухе и с ревом, оставляя белый, дымный хвост, улетел к горизонту: направление громовых бочонков задавал выстрел из катапульты, и никак нельзя было допустить попадание такого снаряда в городские стены.

– Где Айада? – не оборачиваясь, спросил Рагнер. – И монах где?

– Монах в ратуше. Он ни при делах... Собака с Соолмой. Ничё не сказала – маалчала. Соолма малчала, не собака... ну, собака тож малчала... Я решил времяней не тратить.

– Да, правильно. Аргус, оставайся здесь, следи за всем, – сказал Рагнер другу и подошел к Лорко. – Надо гнать в ратушу. Выдержишь?

Лорко поднялся, держась за левый бок, кивнул и бросился вслед за Рагнером по узкой винтовой лестнице. Он успел услышать, как герцог сказал:

– Лишь бы была жива...

Через несколько минут конный отряд летел назад к ратуше. Горожане жались к стенам, а два всадника, впереди отряда, расчищали дорогу. Лорко, припадая на шею коня, мчался последним.

Заехав во внутренний двор ратуши, Рагнер крикнул страже на воротах:

– Сменитесь и идите внутрь, ждите на первом этаже.

С порога парадной залы Рагнер проорал имя Соолмы. Оно разнеслось эхом в опустевшем помещении, и буквально сразу же с лестницы сбежала счастливая Айада. Собака бросилась хозяину на грудь – тот, пройдясь один раз ладонью по ее голове, отдал команду, и Айада покорно села. Рагнер смотрел на лестницу. По шелесту платья он знал, что Соолма уже спускается. Скоро показалась ее темно-багряная юбка. Черная Царица не спешила: она величаво меняла ступень на ступень. Рагнер сам бросился вверх – и грубо схватил ее за плечо. Гордо поднимая голову, Соолма смело встретилась своими бездонными, черными глазами с ледяным стеклом в бурой крови.

– Рассказывай, что натворила, – процедил Рагнер.

– Ей не причинили вреда. Помнишь, я сказала, чтобы ты не тревожился о ней? Больше не будешь: я вернула ее законному мужу, – спокойно говорила молодая женщина. – Мужу, которому она перед своим Богом поклялась в верности, поэтому должна быть с ним до конца. Он должен тревожиться о ней, а не ты.

Глядя друг на друга, они молчали. Лицо Рагнера искажилось от ярости, но Соолма его нисколько не боялась.

– Продолжай, – процедил сквозь зубы он.

– Ее уже нет в городе. Поезжай к королю Ивару и возьми серебро, что он тебе должен. Нам пора возвращаться домой – ты это прекрасно знаешь сам: саламандры на исходе. Дальше пусть король воюет без тебя.

– Отдала, значит, ее Ивару, – покачал головой Рагнер и отпустил руку Соолмы. Он перевел взгляд на дозорных, подошедших к лестнице и испуганно смотревших на него. Рагнер перешел на меридианский, чтобы они не понимали его слов:

– Соолма, – тихо сказал Рагнер. – Чего ты добилась? С тобой я уже не буду. Всё, что ты получила, – это причинила мне боль.

– Рагнер! – другим голосом вскрикнула Соолма. – Дальше тебе было бы еще больнее!

Он с такой злобой посмотрел на свою подругу, что она изменилась в лице и стала походить на ту испуганную девчонку со страдающими глазами, какую он помнил.

– Больше никогда не влезай, – сказал Рагнер. – Не можешь принять – уходи. Я тебя не держу. И ее я верну – ты меня знаешь. Так что думай, Соолма. Решай дальше свою жизнь.

Рагнер направился вниз и спросил у дозорных только одно:

– Когда Аразак уехал?

– Где-то чрез две триады опослю полудню, – ответил молоденький парень. Он был так расстроен, что чуть не рыдал. – Прощите, Ваша Светлость. Не было ничего, что б меня насторожило. Я спросил: «Что в бочке?». Он сказал: «Отходы с кухни». Что сменяет их на свиновые обрезки. Крышка была забита гвоздями. Я не требовал, чтоб он вскрыл бочку. Он с телегой тута ездит день ото дня и чё токо не возит... Мы привыкли к ему... Прощите, – опустил парень голову.

Рагнер махнул рукой.

– Гюс – пронырливый подлец и гнус... – тихо произнес он. – Моей вины здесь больше, чем вашей, но наказание для вас последует строгое: чтобы запомнили получше. Вам это пойдет во благо... Сделайте вывод, – думая о своем, сказал герцог Раннор. – И больше никому не доверяйте, когда в дозоре, когда охраняете всех нас, даже друзьям. Даже они порой предают, – оглянулся Рагнер на Соолму и направился к выходу.

Во внутреннем дворе, на мраморных ступенях, согнувшись и опустив руки на колени, тяжело дышал Лорко.

– Мог бы ехать тише, – похлопал его по плечу Рагнер. – Спасибо. Ты молодец... Будь здесь, поговори с монахом. Наверяд ли, но вдруг чем-то поможет – он вроде вовсе не дурак. Я в Западную крепость. Что-то важное узнаешь – пошли туда кого-нибудь. С тебя довольно: не усердствуй, иначе сердце надорвешь и сляжешь, а завтра ходить надо будет. И, кажется, много...

Всего через восемнадцать минут отряд Лодэтского Дьявола въезжал на забитую людьми площадь перед Западными воротами. Рагнер со злостью посмотрел на закатное, кроваво-красное небо, догадываясь, что уже поздно искать Маргариту в городе. Он направил шумно дышащего коня к надвратной башне, минуя тех горожан, которые решили бежать в последний момент и оказались перед запертым выходом. Здесь скопилось пять повозок, полных скарба, и рядом толпились люди всех возрастов. Женщина в силванской одежде, отвернулась к стене и пыталась кормить грудью орущего младенца. Когда она оборотилась к Рагнеру, то он увидел ее заплаканное лицо и сразу вспомнил такое же мокрое лицо Маргариты – Рагнер скривил губы, женщина испуганно отвернулась, а ее муж, прикрывавший своей спиной наготу супруги, заметно побледнел. Рагнер проследовал дальше – к своим людям, что теперь вместе с ладик-эйцами охраняли ворота.

– Была ли пустая от людей повозка, но с кучей барахла? – спросил он у стражи. – Один, максимум два человека? Старик вонючий с длинной бородой? Толстяк? Впрочем, вовсе не обязательно...

– Часа два назад былся толстяк на телеге и с ним никого. И старик с бородищей и топором тож былся – еще утром, на двухколеске с пегой клячей. Большо никого такого не было. Другие в раз по десять выходят – бедняки одни остались...

Рагнер сильнее нахмурился.

– Всё равно проверяйте, пока ворота не запрут. Старик тот или толстяк появятся снова – схватить и ко мне, в ратушу. Всех толстых мужиков заставлять обнажить голову, неважно, в какую сторону идут. Увидите на темени клеймо – брать такого живым. И даже если король Ивар прикажет его не трогать – послать короля на хер, отбить и выкрасть этого мужика. И меня – сразу в известность. Пошлите те же распоряжения в другие крепости. Что до этих, – показал он на телеги и людей рядом с ними, – поглядите башку у мужиков, общите телеги и выпускайте людей. Не стоит им мешаться у нас под ногами. Пусть миряне уходят. Не до них.

От городских ворот его отряд поехал к Западной крепости. На площади, за ее оградой, тоже была суета. Лодэтчане начали шумно приветствовать своего герцога, но он поднял кулак полусогнутой руки вверх, приказывая молчать, и, пока шум стихал, огляделся. Всё было готово к громовой атаке: камнемётные катапульты встали на возвышениях, возле них теснились ряды бочонков со штырями спереди и с запечатанными воском отверстиями на дне и по бокам. Секции бочонков уже заполнили мелкими камнями и горючей смесью с опилками, но пока не добавили главной детали: наконечников для штырей. Прочие тяжелые орудия расставили по башням и у слабых мест крепости. Еще час назад Рагнер был бы всем доволен, но ныне с досадой смотрел по сторонам – бесполезный труд: печальная слава о жадности правителя Ладикэ не оставляла поводов для надежд.

Рагнера провели в «тронную залу», где под сине-золотыми драпировками прям таки сиял облаченный в сплошные доспехи, кольчужный капюшон и рыцарский нарамник Ивар Шепелявый. Не забыл он и про парадные драгоценности. Его широкое лицо, напоминающее морду бычьей собаки, выражало торжествующее ликование. Рагнер хмуро обвел глазами залу: у стен замерли двадцать готовых к бою латных рыцарей.

– Пришел за своим серебром, – не здороваясь и не кланяясь, сказал Рагнер по-меридиански. – Я тебе более не союзник.

– Эфо фы мне более не фоюфник, Рагнер Раннор! – надменно ответил пожилой король.

Он встал с трона, подошел к окну и ткнул коротким пальцем в озаренный алым закатом белокаменный замок под голубыми крышами.

– Я фебе гофорил – фомми фамок! Фы фам офкафалфя!

– Ни хрена не понял, что ты профырчал, – от души высказался герцог. – Восьми самок? Фыфам? Срамную хворь, что ли, подхватил и офкафался?

Короля бросило в краску – он моментально разъярился, но Рагнера это не сдержало.

– Убью, – тихо сказал он, положив руку на меч. – Здесь и сейчас.

Они молчали, меряя друг друга обозленными глазами. Двадцать рыцарей выхватили мечи, но герцог Раннор не обратил на них внимания. Он пугающе спокойно стоял на месте, с рукой на бальтинском мече. Пожилой король, гневно пыхтевший и порой хрюкавший, будто котелок с дребезжащей от пара крышкой, уж хотел дать команду к началу боя, когда почувствовал ледяную тяжесть на своем плече, словно нечто ужасное опустило туда свою длань. И для этого невидимого существа не существовало брони доспеха или прочей защиты: перед ним Ивар IX оказывался абсолютно нагим, абсолютно немощным. По спине короля пробежал холодок, а ужасное зловоние, смесь пота и крови, забило его морщившийся от негодования нос. Он сразу отрезвел, моргнул и жестом приказал рыцарям опустить клинки.

– Отошли их отсюда, – сказал Рагнер. – Не трусь. Отдавай серебро – и я ничего тебе не сделаю.

Король Ивар сглотнул: он ощутил, как ледяной палец провел по его обвислой щеке и черкнул когтем по горлу. Мерзкий запах, от какого мутило нутро, проник в его голову – и

король, начиная задыхаться, поспешно замахал рыцарям, чтобы оставили его наедине с дерзким герцогом. Только они вышли, Рагнер убрал руку с меча, и Ивар сразу почувствовал свежий, цветочный аромат весны.

– Как фы эфо делаешь? – изумленно спросил король Ладикэ, косясь на бальтинский меч.

– Как ты это делаешь, Ивар?! – вскричал в ответ Рагнер. – Как можешь пинать меня сейчас, когда конец уже близок?! Жадный, старый козел!

– Не фабыфайфя, Рагнер Раннор! – вскричал тот в ответ – он всё еще был напуган, но как король не мог допустить оскорблений в свою сторону.

Рагнер устало махнул рукой.

– Довольно с меня, Ивар. Не хочу больше с тобой препираться. Знаю: градоначальник у тебя. Завтра, к утру, мое серебро должно быть у ратуши, не то я снова подорву ворота города. Не приведешь мне градоначальника – я уйду, а по дороге буду смеяться, ведь из-за жадности и нетерпеливости ты упускаешь из рук близкую победу. Давай, продолжай воевать – наемников и пушек у тебя много, но они есть и у твоих врагов. Я же до завтра оставлю здесь катапульты и людей, чтобы их охраняли, – остальное всё свое забираю. Бочонки всё равно пока бесполезны, ты знаешь: из них выйдет неплохие хлопущки, но через пару часов твои враги перестанут их бояться. Приведешь мне градоначальника раньше – будет лучше! – развернулся Рагнер и пошел к выходу.

Оставшись один, Ивар IX сначала перекрестился, а затем долго ходил по зале, звеня парадным мечом, что бился о доспехи. Минут через двенадцать ему донесли, что Рагнер Раннор уехал, а лодэтчане начинают возвращаться в центр города. Вдохнув, король Ивар приказал срочно снарядить охранителей и подать ему коня.

Через триаду часа король Ладикэ заходил в темно-красный дом на улице Благочестия, где должен был содержаться под стражей Ортлиб Совиннак. Будущее бывшего градоначальника прорисовалось по пути короля Ладикэ от крепости до особняка: Ивар Шепелявый намеревался пытать Совиннака, всё у него выведать и после уже решить – мириться с Рагнером или нет. Но в том доме короля ждала пренеприятнейшая неожиданность: охрана из тридцати человек была вырезана не более часа назад, Гюс Аразак и Ортлиб Совиннак исчезли. В парадной зале, на орензской звезде, алела нарисованная кровью большая буква «А» с мечом на последнем вертикальном штрихе, а рядом лежал свиток. Король Ивар взял его, стал изучать карту с подземным ходом и вскоре начал улыбаться, убедившись, что бумаги неподдельные. Было там и письмо.

«Прошу извинить, Ваше Величество, за беспорядок. Умирать я никогда не намеревался и позаботился о своем спасении. Однако у меня есть веские причины желать кары для герцога Лишемского. За мое разорение, за лишение меня должности после двадцати двух лет честной службы, да и за многую другую неблагодарность, я выполню данное вам обещание. Начало второго подземного хода в оружейной, у камина. Не пытайтесь открыть ту дверь, не то герцог Альдриан поймет по поврежденным меткам, что в замке засада. Если ничто не насторожит его, то он обязательно вернется в замок перед битвой войск за Элладанн, как и должно возждю. Прошу еще раз простить, что ваши люди погибли, но я не могу допустить каких-либо причин, мешающих моему воссоединению с освобожденной и несчастной супругой, которая сейчас как никогда нуждается во мне.

Нижайше кланяюсь Вашему Величеству. Ортлиб Совиннак».

За пару часов до этого Маргарита очнулась на руках у дядюшки Жоля и не сразу узнала его без бородки. Розовой дымки более не было, но девушка чувствовала себя столь слабой и аморфной, словно в ее теле не осталось костей. Ее глаза слепил яркий солнечный свет, по лицу текло что-то жаркое, щеки будто легонечко трогали бабочки.

– Это я, дочка, – тормозил племянницу Жоль Ботно, звонко шлепая ее по щекам и поливая ее лицо холодной водой из фляги. – Не признала без бороды? Не боися, я это, я, родная... Всё окончалось...

– Рааагнер, – в отчаянии прошептала Маргарита. – Где Рагнер Раннор?

– Этот мерзавец больше и пальцем тебя не коснется, не боися. Твой супруг обо всем позаботился. Сожгут на костру Лодэтского Дьявула всем нам на потеху. И тебе точно, поди, истинна правда враз полегчает...

Маргарита начала беззвучно плакать, с ужасом понимая, что ее всё-таки спасли. Иначе понимая ее слезы, дядя Жоль утер собственный глаз и поцеловал племянницу в лоб.

– Окончалось, дочка! – с чувством произнес он. – Чего бы он там с тобою не дельвал, всё окончилось! Ты с нами... Скоро в новом доме уж будём: часику через трое, а то и меньшее. Тама, кудава мы еджаем, там никто нас не сыщет. Тама мы все: и братья твои, и сестрицы, – все уж тама. Даже дед наш Звездочку тудова уж поди сvez. Все мы в неопасности. И ты с нами тож будёшь...

– Отпусти меня, – еле слышно выговорила Маргарита. – Я хочу к нему... Отвези меня назад...

– Да, кажись, ты и не понимаешь вовсе, чего я тебе молвлю, – снова поцеловал ее дядя Жоль в лоб. – Не пришлась еще в себя, дочка... Ничего, – погладил он ее щеку. – Многого говорить всё равно нету времяней: после наговоримся. Ты всё ж таки поспи еще.

Он усадил Маргариту, как в кресло, на тюфяк и набросил на нее бежевый дорожный плащ Ортлиба Совиннака. Голова несчастной, освобожденной пленницы сама повернулась в сторону, и сперва ей показалось, что она увидела божество, созданное из снега, солнечных лучей и сияния звезд: на красивейшем белом коне с золотистой гривой (этому сказочному коню не хватало только крыльев) сидел рыцарь в блестящих доспехах и нарамнике лилейного цвета, на каком четыре золотых льва с копьями в лапах ограждали синий меридианский крест. И сбрую коня, и облачение воителя усыпали сапфиры, хризолиты и топазы; парчовая нить искусной вышивки текла меж ними извитой золотой рекой, а светлые доспехи то переливались перистыми разводами, то мерцали позолотой, то темнели чеканными узорами. Несколько всадников в белых одеяниях с синими меридианскими звездами на плечах окружали знатного рыцаря – это были воины-монахи Святой Земли Меридиан, воины веры, давшие обет целомудрия, и увидеть их тоже было большой редкостью, но Маргарита продолжала рассматривать «божество». Из-за обветренной и загорелой, как у землероба, кожи мужчина выглядел старше своих тридцати семи лет, в остальном он имел исключительно благородные черты лица: тонкий, удлиненный нос с легкой горбинкой, узкий и твердый подбородок, изгиб губ в форме лука Амура и выразительные черные глаза, оттененные естественной краской; в его густых, вьющихся мелкими волнами, черных волосах блестели серебристо-седые змейки. Он носил шпоры с колесиком в виде меридианской звезды, – и это означало, что его имя внесли в «Книгу Гордости», а сам он является героем Меридеи.

«Неужели принц Барб? – догадалась Маргарита. – Барбыйский Лев? Венценосный правитель княжества, что вокруг Святой Земли Меридиан? Один из самых богатых людей Меридеи и один самых лучших рыцарей, уже четыре раза побывавший в Сольтеле...»

Этот статный, овейный самой светлой славой воин приблизился к повозке, где полулежала закутанная в плащ девушка, и галантно поклонился ей с прижатой к сердцу рукой, что гласило о его готовности быть ее защитником. Имей Маргарита силы, чтобы протянуть руку для поцелуя, то она стала бы прекрасной дамой самого принца и героя.

– Адальбэрти Барб, – представился рыцарь на меридианском. – Я даю вам слово, госпожа Совиннак, что за вашу честь лично поквитаюсь с Лодэтским Дьяволом. А сейчас имею удовольствие сопроводить вас в безопасное место, где вы будете под защитой княжества Барб.

Маргарита в отчаянии закрыла глаза. Она слышала, как принц Баро дает какие-то распоряжения, но не слушала его. Ее разум отказывался верить в случившееся – она твердила себе, что это всё просто ужасный сон, а вскоре девушка и впрямь вновь уснула. Принц Адальберти порой поглядывал на красавицу и на ее умиротворенное лицо. Он слегка улыбался при виде ее сладкого, детского сна и тут же сжимал губы от злости, думая о сотворенном над ней насилии в более чем в двадцатидневном плену. Высоконравственный рыцарь не собирался спускать с рук это преступление герцогу Рагнеру Раннору.

В третий раз Маргарита проснулась сама и увидела большие, яркие звезды на ночном небе. Дядя Жоль нес ее на руках к незнакомому дому, на порог которого выходили Синоли, Беати и Филипп. Еще появились Марлена и дед Гибих. Все они обступили Жоля Ботно и ослабевшую, несчастную девушку на его руках. Они гладили Маргариту, радовались ее возвращению, улыбались. В доме замелькала вереница других лиц: тараторившая Ульви с двумя хныкавшими младенцами на руках, безмолвный Нинно с пронзительным взглядом, тетка Клементина и Оливи с одинаковыми торжествующими улыбками на одинаковых ртах, без слов говорившими ей, что она дуреха. Были там и Залия со своим малышом, и Деора Себесро. Четыре борзые собаки крутились здесь же. В углу, закинув ногу на ногу, сидел с прямой спиной манерный Огю Шотно. Без конца кто-то из них что-то болтал и трогал Маргариту, а она хотела им всем кричать, чтобы они оставили ее в покое и в ее одиноком горе от этого несвоевременного спасения.

– Я спать хочу, – выдавила из себя Маргарита – и дядя к ее облегчению понес ее наверх. Марлена пошла следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.